

ПРОВИНЦИАЛЫ
В
ВРЕМЯ ПОНИМАТЬ
КУСТОВ
ВИКТОР

П

Р

О

Б

И

Н

Ц

И

А

Л

Е

!

Виктор Кустов

**Провинциалы. Книга
5. Время понимать**

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Кустов В. Н.

Провинциалы. Книга 5. Время понимать / В. Н. Кустов —
«ЛитРес: Самиздат», 2014

Пятая книга "Время понимать" - это попытки главных героев понять, как получилось, что в девяностые, окунувшись с головой в перемены, они не заметили, как более пронырливые, бесталанные, но уже призванные золотым тельцом, делили за их спиной общее имущество. А выходит - и общее будущее.

Содержание

Время понимать	5
Вековой излом	9
Период надежд	20
Время понимать	29
Черное и белое	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Время понимать

Несомненно, это было предупреждение. Как и тогда, два десятилетия назад, как раз накануне событий девяносто первого (все-таки судьба каждого неотделима от судьбы страны).

Так же, как и тогда, он возвращался из Минеральных Вод после встречи, обещавшей развитие бизнеса, поглощенный (как и тогда) мыслями о материальном, суетном и оттого уверенный в своем превосходстве над обстоятельствами, подвластности его желаниям всего вокруг, зараженный уже (хотя все думал, что имеет иммунитет) насаждаемой средствами массовой информации, и прежде всего телевидением, бациллой всемогущества и бессмертия богатого человека, и вдруг эта нелепая, глупая, как ему показалось, авария... Поэтому прежде возникло раздражение на того, кто сидел за рулем машины, с которой он столкнулся, потом на досадную потерю времени ожидания инспекторов, те нынче нарасхват (город давно уже перегружен машинами и авариями), а значит, не поторопятся, настраиваться надо на пару часов ожидания, не меньше...

...Тогда, двадцать лет назад, после столкновения, он о подобном не думал. Он лежал на обледеневшей дороге и был не в силах подняться, глядя на неотвратимо приближающийся свет фар идущей в его сторону машины, не надеясь, что ослепительные солнцеподобные шары замрут, судорожно загребая руками по ледяной корке и тщетно пытаясь отползти к обочине... Но машина остановилась, не доехав пару метров до его бессильного тела, и крепкие руки подхватили его, закричавшего от боли, вскинули на сиденье. И была долгая мучительная дорога в теплой, пахнувшей соляжкой, высокой (так что совсем не страшно было парить в ней над гололедом) кабине КамАЗа, с пробуксовками, остановками, словно специально данная ему для того, что-бы осмыслить и свое прошлое, и будущее, в котором он уже видел себя инвалидом, но хотел жить, невзирая ни на что, и ясно осознавал, что ничего ценнее жизни и любви не было и нет.

Потом еще было время подумать, основательно разобраться в себе – долгие месяцы на больничной койке способствовали этому, обучая терпению и пониманию неподвластности человеку самого главного – собственной жизни...

Тогда было достаточно времени для постижения случившегося – сейчас нет, потому что авария была похожа на множество подобных в переполненных машинами городах, когда страдают прежде всего автомобили, а сидящие в них лишь сожалеют по поводу непредвиденного нарушения планов и в ожидании инспектора торопятся сообщить родным, знакомым, начальству или подчиненным о нелепой случайности, в которой, естественно, виноват другой, тот, кто слишком медленно ехал впереди или слишком быстро нагнал сзади (как правило, нагнавший виноват априори). И он на неподвижном острове в потоке объезжающих машин, тоже спешащих, как только что спешил он сам, сразу не понял, что это столкновение не случайность, и отнесся к происшедшему внешне спокойно, как и девица, вылезшая из отлетевшей вперед машины, и они обменялись первыми впечатлениями по поводу нарушенных планов.

Он не стал ее обвинять в излишней медлительности, подумав лишь, что, по-видимому, он предчувствовал случившееся, всегда опасаясь женщин за рулем. Она вскользь отметила, что не следовало бы ему так спешить, а лучше было бы выдерживать положенный интервал. Ему оставалось только согласиться и развести руками – виноват, мол...

И только спустя время понял: нет, это не было случайностью.

Как не были случайными переделки, в которые он попадал в детстве и юности, чреватые если не смертью (тонул ведь в проруби, падал с моста, замерзал в полярной ночи), то испугом, причинением вреда его телу... И все, что случалось с ним в последующие за детством

годы, включая такие серьезные испытания, как лавина или аварии, имели свой непостижимый прежде и вот только теперь осознаваемый сакральный смысл...

Человек предполагает, а Бог располагает...

Он родился и вырос в атеистической стране, в которой хрестоматийное выражение «Человек – это звучит гордо» было столь же неоспоримо, как авангардная роль коммунистической партии в деле построения коммунизма, то есть рая на земле. Не менее бесспорным был лозунг о покорении природы в разных вариациях, от ломоносовского пророческого «Могущество России будет прирастать Сибирью» (стела с этими словами стояла на одном из изгибов дороги, ведущей по берегу Енисея к Карлову створу, перегороженному плотиной Саяно-Шушенской ГЭС, и эти слова воспринимались им и всеми, кто строил эту гигантскую гидростанцию, не без гордости) до курьезно-водевильного: «Течет вода Кубань-реки, куда велят большевики». Это изречение неведомого активиста агитпропа украшало плотину в Карачаево-Черкесии недалеко от Черкесска, и каждый раз, проезжая мимо, он не мог удержаться, чтобы не повторить эти слова с улыбкой, иронией или с сарказмом (по настроению), потому что на дворе уже были восьмидесятые годы, развитой социализм со старческим лицом вождей, при котором молодой дух революционных мифов начала двадцатого века воспринимался уже как анекдот и утратил свое влияние.

И он вместе со всей атеистической страной не задумывался, что «гордо» – слово, однокоренное с «гордыней»...

Впрочем, его если и заносило в самоедство, то не часто и не надолго. Может, оттого, что производственным и карьерным успехам он в молодости предпочитал сердечные переживания, увлекаясь часто и страстно. Потом встретил Елену, и окрыляющая любовь позволила им вдвоем создать свой мир и в нем защититься от надуманных страстей. Именно любовь сделала его счастливым. Любовь и удовлетворение маленьких исполнимых желаний. И этого было вполне достаточно, чтобы любить жизнь в целом, и он ее любил изначально и без сомнений, считая, что земная жизнь по замыслу того, кого называют Богом (а он понимал, что это олицетворение главного Вселенского закона), – это место, где человек изначально должен был быть счастлив, реализуя желания, наслаждаться удовлетворением.

В этой понравившейся ему гипотезе, противоречащей многим догмам (зачем же все валить в кучу, не все желания порочны), был детский задор и игнорирование той истории, которую он изучал и знал со слов признанных толкователей прошлого. Он считал, что именно этой эмоциональной триаде – «желание – удовольствие – удовлетворение» – предназначено продвигать человека от низменных страстей к постижению более высоких, уже не физических удовольствий, а тех, что приносят познание окружающего, творческое преобразование, полет мысли...

Но мнение оппонентов все же поколебало его уверенность в том, что он все правильно понял в этой гипотезе (а как же первородный грех?), заставив искать ответ на этот вопрос.

И опять же, все не случайно в этом мире. Даже те или иные книги приходят к человеку в предназначенный час. Во всяком случае трактат «Посвященные» французца Шюре, жившего в девятнадцатом веке, пришел к нему тогда, когда стал очень нужен.

И открыл то, о чем в атеистической стране, при атеистическом воспитании он не мог и подумать.

Это было знакомство с новым миром, невидимым, неведомым, но раздвигающим привычные рамки освоенного и ограниченного материального до бесконечности, которого он до этого времени не мог даже вообразить.

Прочитанное перевернуло, казалось, накрепко усвоенное.

Подобное случилось с ним до этого только единожды, в студенческую пору, когда после обязательного изучения томов с основами марксизма-ленинизма, диалектического материализма вкупе с теорией Дарвина о происхождении человека от обезьяны ему вдруг попала в

руки самодельная, напечатанная на машинке и вставленная в картонный переплет книга о дзэн-буддизме.

Именно тогда он совершил свой прыжок от обезьяны к человеку...

Каждая страница «Посвященных» была открытием. Подобным тому, что древний грек Пифагор с его теоремой «о итанах, которые во все стороны равны» был прежде всего философом, основателем целого учения и школы, а потом уже тем, кем знал его Жовнер по учебнику геометрии.

...Он вдруг вспомнил об этой книге и Пифагоре в ожидании инспектора, наблюдая за дамой, по возрасту годной ему в дочери или, как это стало нынче модно (не страшит же участь Содома и Гоморы), в любовницы, неустанно разговаривающей по телефону. Он не сомневался, что той неведомы ни дзэн-буддизм, ни книга умного француза, да скорее всего, она уже не помнит и автора теоремы из школьной программы, она была из нового поколения, для которого СССР всего лишь миф, сочиненный предками, ничего не понимающими в нынешней жизни, в значении денег, удовольствий, возможностей... Они уже свое отжили, а у нее все впереди. И это все, при удачном стечении обстоятельств, позволит ей стать богатой... И счастливой...

Она убеждена в прямой зависимости второго от первого.

А он нет.

Получение удовольствия как главная цель существования...

Но ведь он сам не так давно не сомневался, что двигатель существования человека — та самая триада?..

Да, он и сейчас не отказывается от нее, но только слишком разные, даже полярные у них с этой дамой, судя по всему, представления о том, что подразумевает понятие «удовольствие»... Физические и физиологические удовольствия, которыми нынче соблазняет всяческая реклама, присущи самым низшим слоям общественной человеческой пирамиды. Слой же, к которому он относил и себя, и своих знакомых и где к низшим видам удовольствия добавлялась любовь (но не секс), был первым по-настоящему соответствующим предназначению человека.

Именно этот слой был его средой обитания в Советском Союзе.

Спустя два десятилетия после распада уникальной империи равенства этот слой образованных людей, заменивших в стране рабочих и крестьян ранее изгнанное и уничтоженное просвещенное разночинство, был вытеснен на обочину общественной жизни маргинально-олигархическим сообществом, которое он единым организмом, объединенным общими целями и идеями, как в СССР, назвать не мог. «Его слой», сильно утончившись, позволил разрастись двум нижним.

Пирамидка ощутимо расплзлась, утратив былую близость к небу.

Впрочем, не выдержали агрессивного напора дилетантов и наглого воровства гениев хищнического дефежа общих богатств и более высокие интеллектуальные и творческие прослойки, где находились те, чей утонченный вкус, интуиция и знания, как в досоциалистическое время, вновь стали востребованы лишь в кружках немногочисленных ценителей истинного...

А может, действительно Дарвин прав, эволюция повернула вспять и скоро человечество вспомнит свое далекое прошлое?..

Он вообразил, что в пронсящихся мимо машинах сидят обезьяноподобные низколобые существа, азартно сопящие и скалящие зубы в своем соперничестве друг с другом, и все так же продолжающая разговаривать по телефону дама — тоже обезьяна, только без волосяного покрова и научившаяся скрывать кровожадность...

Чтобы избавиться от наваждения, потянулся за телефоном, вспомнив, что Елена уже несколько раз звонила, переживает, ждет...

Она ответила сразу, действительно, ужин стоял на столе, остывая, и она ждала, голодная. Он как можно спокойнее сказал, что задержится, немного зацепил другую машину,

и тут же поторопился заверить, что ничего страшного не произошло, так, сущие пустяки, только фара его машины разбилась, а в другой – вмятина в багажнике, ну а он сам и водитель другой машины в полном порядке, ждут гаишников в двух шагах от дома, да вот не отойдешь, иначе протокол не составят.

Ему-то, в принципе, это неважно, он виноват, ремонтировать придется за свой счет, а вот девице страховка понадобится.

И тут только заметил, что левая сторона пострадавшей от его удара машины длинно, волнисто процарапана и вогнута, хотя он не мог ее зацепить, потому что выходил влево, пере-страиваясь на свободную полосу, когда тормозные фонари идущей впереди машины неожиданно загорелись, а руль уже был вывернут до предела и правая фара его машины с глухим стуком вошла в чужой багажник...

Он выждал, когда очередное включение красного на светофоре сзади остановило поток машин, подошел к девице, сидящей в своей машине, деланно удивился, указывая на эту явно не косметическую борозду, и та в ответ подтвердила, что неделю назад другой торопливый «водила» пытался ее обогнать, вот и оставил след...

– Он виноват?.. Уже оценили?.. – поинтересовался Жовнер, отгоняя нелепую мысль о возможности таким образом зарабатывать деньги.

– Я езжу по правилам, – вскинула та гладкое личико и, отвернувшись, вновь поднесла к уху трубку.

Он торопливо ретировался, опасаясь вновь рванувшего от перекрестка машинного стада...

Вековой излом

Человеку присуще жить будущим. А если к тому же настоящее его не устраивает, все помыслы, надежды устремляются вперед, убыстряя время и так столь короткой человеческой жизни.

Хоть и дано это понимать, но изменить отношение к настоящему, к сегодняшнему дню – не как к некоему промежуточному и не очень приятному интервалу перед действительно счастливым будущим (и, кстати, прошлым, тоже), а как к полноценной части собственной жизни, в которой ничего ненужного, неважного нет – не дано. Ну а когда к тому же подобное устремление в будущее, схожее с желанием ишака нагнать клочок сена, маячащий перед мордой, превращается в общий психоз, усиленно внушаемый телевидением и прочими средствами манипулирования, устоять невозможно даже самому стойкому. Разве только если выбросить телевизор (газеты и так уже редко кто читает) и выпасть из информационного потока. Но это не так-то просто – устоять перед соблазнами. Особенно когда грядет редкостное, одно на тысячелетие, событие, и тебе выпало его прожить.

Ожидание, когда единица с тремя девятками превратится в двойку с нулями, длилось долго. И наконец вылилось, вырвалось, пронеслось шумной, многоголосой от криков, пугающей от разрывов и выстрелов новогодней ночью и ознаменовалось не только ожиданием лучшей жизни впереди у всех, начиная с пьяниц, приступивших к празднованию начала нового тысячелетия задолго до боя курантов и заканчивая новым, профессионально неприметным (одно из условий выбранной в юности профессии) и словно смущающимся неожиданно свалившейся шапкой Мономаха президентом, закрывавшим эпоху большого, энергичного, вальяжного вначале и усталого и больного в конце Бориса Николаевича Ельцина.

Это если говорить о России.

Что же касается мира, который с каждым днем, отделяющим россиян от эпохи железного занавеса и СССР, становился все ближе, то он пребывал в не меньшей эйфории, правда, не особо задумываясь о будущем, а надеясь на то, что нынешнее благоденствие, пусть даже за чужой счет, продлится еще долго...

...Жовнеры отмечали окончание старого тысячелетия посемейному, предпочтя домашний уют приглашениям в компании, с горечью признав, что возраст все-таки накладывает свой отпечаток на желания. Дождавшись дочери с зятем, заглянувших на огонек уже в новом летоисчислении, и вместе с ними напропорчив под шампанское всем порознь и вместе в будущем самое хорошее, отправились на центральную площадь города к елке.

Южная новогодняя ночь не каждый год радует истинными русскими атрибутами этого праздника – снегом и морозом. Оттого и веселых катаний со снежных горок или на ледовом зеркале катков или просто неловких игр подвыпивших взрослых в отрезвляющих сугробах здесь не бывает, оттого и народу на площади возле зеленой, расцвеченной огнями елки было не так много. Но все же незнакомые, разных возрастов и положений горожане, не усидевшие дома в эту ночь, взявшись за руки, образовали шумный веселый хоровод и, покружившись вокруг ели, нестройно и невпопад вспоминая подходящие случаю, а то и просто настроению песни, перескакивая с куплета на куплет, уступая роль запевалы очередному желающему, накружившись до истощения запала, разбились на группки родных и знакомых, в центре которых, как правило, оказывался самый предусмотрительный, запасливо прихвативший с собой и согревающее, и посуду. После чего делали выбор между бодрствованием и сном.

Жовнеры проводили молодых до их дома (беременная Светлана уже устала, и до рассвета оставалось не так много) и неторопливо пошли по затихающим, но еще достаточно многолюдным улицам домой.

По пути стали вспоминать самые запомнившиеся встречи Нового года и выяснили, что у обоих остались в памяти студенческие новогодние ночи.

Елена вспомнила новогоднюю ночь на третьем курсе, когда она была влюблена в одного старшекурсника и они всю ночь прогуляли-процеловались, не обращая внимания на сильный мороз (надо же, призналась!).

Александру тоже, оказывается, более всего запомнилась институтская встреча Нового года с ребятами из туристической секции. Он учился тогда на втором курсе, в ноябре в поисках занятия по душе забрел в турклуб да так и остался среди одержимых путешествиями романтиков и на новогодние каникулы собирался идти в свой первый горный поход в отроги Хамар-Дабана, естественно, встретить Новый год с туристами-старшекурсниками он не отказался. Они довольно долго ехали на электричке, потом от полустанка шли по уже темным улочкам дачного поселка и, миновав его, по недавно пробитой высланными вперед квартирьерами узкой дорожке в глубоком снегу вышли к раскидистой ели, нижние ветки которой были украшены бумажными гирляндами, рдеющими в отблесках большого костра, разложенного рядом. Над огнем висело прокопченное ведро, над ним поднимался пар, старшие опытные коллеги-туристы, скинув куртки, деловито хозяйничали на вытоптанной площадке, сооружая из сухих стволов и лапника лавочки и стол. Девчонки, приехавшие вместе с основной группой, тут же взялись доваривать пригоревшую гречневую кашу, в которую потом бросили немало банок тушенки, отчего она больше напоминала гуляш.

Эту картину: суetyащиеся люди в красных отсветах потрескивающего пламени на фоне звездной ночи, неустойчивые тени окружающих деревьев, которые за чертой света превращались в непроглядную и пугающую стену, набирающий силу мороз, восторг, замешанный одновременно и на единении всех присутствующих, и на отношении к этому зеленому дереву, нависающему над ними, – все это он хорошо помнил и сейчас, спустя годы.

А потом все кричали «ура», встречая одна тысяча девятьсот семидесятый год, и он, уже изрядно промерзший, выпил почти полный стакан водки, и ему стало тепло и весело...

Но вот что было потом, вспоминалось уже отрывками. Осталось ощущение какого-то языческого веселья, чего-то случившегося сладостно-запретного, о чем он только мог догадываться или воображать, проснувшись в разгар нового дня в дачном домике в спальном мешке со смешливой метисочкой, чьи бурятские скулы оттеняли лукавый взгляд синих глаз, а упругое тело с тонкой талией было обжигающе горячим... Он так и не успел вспомнить, как очутился в этом волнующем уюте, она ящеркой выскользнула из мешка, миглом спрятала смуглое тело в теплый комбинезон. Склонившись к его лицу, пахнущая тайной или коварством, сообщила, что они засони, все уже давно встречают новый день нового года, и убежала.

Снова он увидел ее с бородатым и степенным старшекурсником.

Они ели из одной миски, пили из одной кружки, а потом тот носил ее на руках и куда-то унес, и их больше в тот день никто не видел. А в поход, первый для него, метисочка не пошла. И потом он ее не видел ни в секции, ни в институте, а когда попытался выяснить, кто она и откуда, так ничего и не узнал, вроде она вообще оказалась среди них случайно и учится в инязе, а пригласил ее тот самый старшекурсник, которого тоже он больше не видел: он был дипломником, разрядником, ушел в сложный маршрут на целый месяц в Саяны, а вернувшись, написал диплом, защитился и уехал куда-то по распределению.

Кто-то говорил, что один, кто-то, что с той самой, из иняза...

Сейчас, спустя столько лет, ему казалось, что та метисочка была наваждением, новогодним подарком тайги...

А может быть, это была всего лишь материализация его грез...

...Начало нового века скорых и желаемых перемен не принесло.

Жизнь продолжилась прежними заботами. Так же, как и старый, новый президент говорил о необходимости подождать и потерпеть. Все так же богатели нефтяники, газовики – все

те, кто энергично перекачивал, перевозил за рубеж то, что еще совсем недавно принадлежало всем, шалея от неожиданного богатства и стараясь как можно быстрее промотать его.

Так и не успокоилась, не стала до конца мирной Чечня. Все понимали, что процесс возвращения к мирной жизни здесь будет долгим. Непокойно было и в других республиках, окружавших Ставрополье. Фактически край, особенно его восточные районы, так и остался прифронтовой зоной. Привычным стало неведомое в недавнем прошлом и вовсе невообразимое в Советском Союзе понятие «терроризм».

Да и много еще чего появилось и, несмотря на очевидную опасность для жизни человека и для существования государства, стало входить в повседневность, незаметно обретая привкус обыденности.

Так к безудержной страсти подрастающего поколения к пиву, подогреваемой пивными фестивалями, добавилось широкое распространение наркотиков, активно пропагандируемых так называемыми «борцами» с этой пагубной привычкой, старательно возводимой в ранг болезни, чтобы оправдать безволие.

На смену трепету любовных переживаний и романтике ухаживаний пришло то, что на Западе, с которого теперь брали пример во всем, прежде называли свободной любовью, а в новых реалиях – без прикрас, безвкусным словом «секс» или примитивным, но медицински необходимым удовлетворением физиологических потребностей. Отрицающая любовь, семью и продолжение рода, эта потребность прикрывалась понятием «гражданский брак», как правило, не предполагающим длительных отношений и создания настоящей семьи.

Впрочем, Жовнера и его сверстников это тревожило только теоретически, из опасения за будущее своих детей и внуков. Правда, Светлана вышла замуж по любви, стала женой после регистрации брака (сказалось все же ретроградское семейное отношение к этому вопросу) и родила в начале нового века им внуку. Так что их маленькое семейное государство еще противостояло разлагающим веяниям, все более охватывающим большое государство, в котором они все жили.

За минувшее десятилетие иллюзии, с которыми он когда-то приветствовал перемены, рассеялись: то общество, которому они еще совсем недавно завидовали и стремились подражать, оказалось не столь уж и гармонично. Лишь одно было бесспорным достижением этих лет: возможность говорить то, что думаешь, не только на кухнях и заполненные всякой всячиной магазины.

Правда, говорить стало как бы и не о чем, а на покупки у большинства населения не было денег. И уходящие в прошлое дни, месяцы, годы проблем нового общественного строя не уменьшали и даже наоборот, усугубляли, вселяя неуверенность в завтрашнем дне.

Непроизвольно сравнивая оставшийся в прошлом социалистический строй, начало перемен, самое начало девяностых годов и наступившие дни, Жовнер приходил к неутешительному выводу, что все усиливающаяся фискальная политика, умножение чиновничьих служб, неплохо живущих за счет налогов небогатого, если не сказать нищего, населения и повсеместно к тому же мздоимствующих, сдерживают развитие общества. Та свобода предпринимательства, которую они пережили в начале девяностых, теперь все более приобретала черты утраченного идеала. Та стена, которая начала отделять плодящихся чиновников всех мастей, законодательные и исполнительные структуры от работающих, созидających новую страну граждан, становилась все выше и толще.

Вновь, как и в советские времена, он стал ловить себя на чувстве неуважения к власти, на несовпадении собственных интересов и интересов окружающих его людей с деяниями тех, кто взялся строить новое государство по своему вкусу. Этот вкус уж слишком очевидно принадлежал тем, кто бесстыдно присвоил и продолжал присваивать общенародное богатство, а теперь усиленно насаждал свою мораль, в которой обманывать, красть и даже убивать считалось оправданной необходимостью.

Но все же еще оставалась надежда, что и новый президент, сменивший больного Ельцина, и новые министры понимают гибельность подобного пути и выправят движение общества в действительно справедливое и счастливое будущее.

Понимая, что главное направление задается в столице, в провинции люди все же надеялись на своих непосредственных руководителей, депутатов, губернаторов. Но правительство края, практически утратившее коммунистическую идеологию, которая, собственно, и позволила губернатору победить на выборах, инициативой и самостоятельностью особо не отличалось от прочих, быстро забывших наказы своих избирателей.

Через пару лет после выборов молодой и энергичный губернатор, хорошо помнящий свою комсомольскую кипучую юность и ностальгирующий по ней, окруживший к этому времени себя своими бывшими комсомольскими соратниками, вернул из прошлого многие навыки коммунистического управления, но не привнес ничего нового. Особенно он любил перерезать ленточки на торжественных мероприятиях, которые теперь сопутствовали даже незначительному событию. Как говорили в народе, он готов был торжественно открыть даже общественный туалет, правда, в действительности такого не случилось, но вот баню сей государственной муж как-то открывал...

С одной стороны, эти игры и потуги властей имитировать бурную деятельность и заботу о населении Жовнера особо не интересовали, но с другой – он никак не мог от них отстраниться. У него были странные отношения с властью. Как-то знакомый астролог посчитал его гороскоп и сказал, что согласно вселенскому закону их взаимоотношения (его как личности и власти как института) похожи на отношения двух не стремящихся друг к другу, но находящихся все время в поле зрения людей. Что с его стороны преобладает любопытство и критическое отношение к тому, что делает наделенный властью человек любого ранга, а со стороны властных структур, в том числе и репрессивных, преобладает настороженное внимание.

Если с этой точки зрения проанализировать прожитые годы, то, похоже, так и есть. Без сомнения, он всегда критически относился к тем, кто брал на себя роль лидера, всезнающего и непогрешимого проводника в жизненных перипетиях. В институте, с одной стороны, был активным комсомольцем и даже членом комитета комсомола, а с другой – создал тайное общество, где критиковали власть, связался с диссидентами и попал в список неблагонадежных.

Потом работал в газетах – идеологических институтах, подконтрольных и опекаемых властью, и даже прошел профилактическую устрашающую головомойку органов госбезопасности. В партию никогда не рвался, не разделяя ни атеистической веры, ни коммунистической программы, вступил исключительно по необходимости – должность была номенклатурная, а с приемом в ряды КПСС вышла по настоящему анекдотичная (из серии политических) история, когда условием получения партбилета стала смена места работы и жительства. Старался помочь коммунистам сохранить власть, а в конечном итоге был занесен в список ярых демократов. Даже когда Виктор Красавин, с которым в молодости немало дебатировали о будущем государственном устройстве, стал вице-губернатором, Жовнер так и не сблизился с властью, ничего не поимел от краевого пирога (впрочем, как и сам Красавин), в отличие от большинства, имеющих доступ к власти и бюджету. При новом губернаторе-коммунисте тем более не стремился приблизиться к власти имущим. Хотя отношения и связи со многими, кто теперь там работал, остались.

Неожиданно они сошлись с Сергеем Белоглазовым, когда-то редактором молодежной газеты (куда он, приехав из Сибири, заглянул в поисках работы), потом партийным журналистом, работником крайкома. Теперь тот работал пресс-секретарем губернатора. Должность эта была особо приближенная и пользующаяся доверием, оттого и тайно влиятельная. Но через несколько месяцев энергичного освоения новых обязанностей Белоглазов, похоже, утратил и интерес, и азарт к ежедневным сочинениям речей и докладов и в свободное от официальнойщины время, в противовес безликой политической риторике, в которой, как и прежде, при комму-

нистах, все отчетливее требовалось не говорить правду, а предсказывать исполнение грандиозных замыслов в будущем, стал пописывать рассказы. Вот с ними он и пришел к Жовнеру, найдя в нем и внимательного читателя, и издателя.

День ото дня их отношения становились все искреннее и... застольнее. Белоглазов стал все чаще выпивать, хотя в годы их молодости, насколько Жовнер помнил, этим не увлекался. Сначала он предлагал разделить компанию, а потом стал выпивать в одиночку, находя в Жовнере только внимательного слушателя и каждый раз виновато ссылаясь на обстоятельства, вынуждающие его таким образом расслабляться, снимать напряжение.

– Ты даже не представляешь, какая это рутина, – заводил он одну и ту же песню, торопливо утолив жажду. – Их всех надо учить русскому языку. И чтобы меньше обещали... Когда-нибудь всем болтунам придется отвечать за свои слова, если не здесь, то там, – он выделял слово «там», наливая в стакан или в кружку, смотря что в это время оказывалось под рукой. – Обязательно! – И, не уточняя, где «там», словно это и так было понятно, выпивал, после чего надкусывал бутерброд с колбасой или сыром, который доставал, как и бутылку, из коричневого потертого портфеля. – Хорошо тебе, живешь как хочешь, никому ничем не обязан, совесть не мучает... Сам себе и начальник, и работник...

– Только вот зарплату нерегулярно получаю, – вставлял Жовнер. – Ну, это неважно, поверь мне, – проникновенно произносил Белоглазов. – Самое главное в этом мире – не пойти против совести, не стать подлецом... – И замолкал на некоторое время, раздумывая или прислушиваясь к воздействию выпитого.

Потом либо еще выпивал, но теперь уже пару глотков, не больше, либо переливал содержимое бутылки в блестящую плоскую фляжку (а иногда он допивал то, что было в ней), ставил ее в портфель и переводил разговор на приятную тему, делясь сюжетом очередного рассказа, в основе которого, как правило, была действительно случившаяся казусная история. Этих бывальщин у него был приличный запас, и Жовнер каждый раз наседавал на него, советуя бросить все дела и писать...

– Брошу, – согласился он в свой последний визит. – Вот еще немного и брошу... К тебе приду работать, возьмешь заместителем?

– У меня зарплаты маленькие...

– Зато свободным буду... Я с губернатором уже поговорил, он попросил подобрать замену, подучить... У меня теперь молодых помощников хватает, кропают на своем уровне, я только правлю... И ты знаешь, что я заметил, – он подался вперед и, понизив голос, закончил: – Чем глупее, чем примитивнее текст, тем им, – мотнул головой в сторону, в которой находились центральная площадь, все еще украшенная памятником основателю социалистического государства, и здание бывшего крайкома партии за ним, которое теперь занимал губернатор и его правительство, – больше нравится... У них теперь своя вера, свои боги – политтехнологи... Вот мы с тобой в Советском Союзе все делали, чтобы люди грамотнее были, культурнее, а сейчас это не надо... Им, ну – тем, кто за стенами, и за кремлевскими, и здесь, – не надо, чтобы народ умнел...

Потом тяжело вздохнул и пожаловался.

– Я теперь знаю, что такое жить в золотой клетке...

– А мне кажется, мы и раньше, при коммунистах, в клетке жили.

Только что не в золотой, – возразил Жовнер. – Разве тогда свобода была?

– А что, на кухнях мы не рубили правду-матку и анекдотами не поминали вождей?.. И власть критиковали... В рамках дозволенного, но критиковали... А главное, коммунисты общество не оглуляли, а головастых к себе заманивали. Да, заигрывали, запугивали, но привлекали... А этим нынче умные не нужны – главное, чтобы исполнительными были...

– Но ведь губер коммунист?

– А что он один сделает?.. У него только клетка побольше, чем у меня, да золото не сусальное, а листовое... – Он вздохнул, замолчал. Потом поднял глаза, в которых Жовнер увидел тоску. – Нет, тебе этого не понять. И не надо... Зарплата у меня хорошая, но работа, как у золотаря...

Прихожу вот к тебе, а и тут запах чувствую... Боюсь, до конца жизни не отмоюсь... Ты прав, надо уходить, пока не поздно... Вот книжку издам и уйду на вольные хлеба... Перееду на дачу или в деревню, где предки жили, и буду писать, наслаждаться жизнью. Сколько мне осталось...

Жовнер еще тогда возразил, что, дескать, у них только самый хороший возраст и начинается. И Сергей согласился, мол, пару десятков лет ему хватит, чтобы изложить на бумаге, что хотел бы...

И вдруг звонок – умер Сергей, скоропостижно...

Жовнер сразу не поверил, думал, какой-нибудь другой Белоглазов, однофамилец...

Недели не прошло, как заскакивал пива выпить. Правда, на второй этаж уже с одышкой поднялся... И новых рассказов не принес, и рассказывать ничего не стал, торопился. Выпил, жевательной резинкой закусил и побежал на какое-то мероприятие, где губернатор очередную ленточку резать должен был...

Жовнер попросил его тогда устроить аудиенцию с заместителем губернатора, который культуру курирует: столкнулся с проблемой распространения своего литературного журнала. Думал, «на ура» разойдется тираж, всего-то три тысячи экземпляров (когда-то толстые журналы миллионными тиражами разлетались, не подписаться было), а не пошел. Неужели действительно за десятилетие передела самая читающая страна превратилась в самую пьющую и жующую?

Не хотел в это верить.

Но тогда получается, что журнал плох.

Поговорил с книголюбями, писателями, кого уважал. Нет, мнение хорошее, публикации в первых номерах заметили, оценили.

Значит, дело в рекламе.

А откуда на нее деньги взять, и так в убыток журнал. Вот и решил прибегнуть к помощи власти. Нужно ведь дело для воспитания подрастающего поколения. Одно уже упустили, образование на пивных фестивалях получают, так хотя бы следующие от пивных бутылок отвернуть.

Пусть поможет власть библиотекам, школам подписку организовать.

Не стало Сергея, придется теперь самому записываться на прием.

...Проводили Белоглазова в последний путь в день не очень теплый, пасмурный, хотя лето начиналось. На проводах и губернатор был, видно, помимо служебных связывали их и человеческие отношения. За это Жовнер многое тому простил.

Проводили, а потом оказалось, что свое обещание Сергей выполнил. Позвонили Жовнеру из приемной заместителя, в чьем подчинении находились культура и образование, и назначили аудиенцию.

Галина Федоровна Духина пришла на работу не в лучшем настроении. Может, летняя жара, стремительно накатившая в самом начале лета, действовала, а может, накопившиеся проблемы, которые с каждым днем не только не рассасывались, а набегали новыми волнами. И нынешний день, начинавшийся с приема жалобщиков, отдохновения не обещал.

Каждое утро собираясь на работу, не зная, какие сюрпризы ей готовит теперешняя суетная жизнь, она то с короткой, то с затяжной грустью вспоминала прежние времена, когда ее день, сначала комсомольского, а потом и партийного функционера, был четко спланирован, расписан, каждое принимаемое решение готовилось и выверялось долго и тщательно, были грамотные помощники и было время самой вникнуть в суть каждой проблемы. Принимая при-

глашение губернатора, которого знала, можно сказать, всю сознательную жизнь (и даже в свое время способствовала продвижению молодого активного комсомольского лидера), со всеми его положительными и отрицательными чертами, она и нынешнюю свою работу в новой и не понимаемой ею стране представляла такой же неторопливой и основательной. Но первые же дни в качестве заместителя председателя краевого правительства заставили расстаться с иллюзиями и вспомнить теоретический багаж, который объяснял плохую управляемость и непрофессионализм периода социальных сломов перемешиванием слоев, когда вниз закономерно опускался слой создателей предыдущего строя, а «кто был никем» (явные или тайные противники правящей системы) «становился всем». А если излагать яснее, к власти приходили те, кто яростно рвался ко всему, что было прежде недоступно, а дорвавшись, бездумно и азартно принимался разрушать достижения предшественников и охаивать все, что те делали.

Наиболее сообразительные довольно скоро начинали осознавать, что принципы управления обществом при любом строе по сути неизменны, и уже тихо, без афиширования, возвращать в прежние кабинеты на прежние или схожие должности тех, кого совсем недавно изгоняли.

Духина, как и ее бывшие коллеги, а теперь и многие из нынешних, также пережила период обидного и непонимаемого забвения, унижений, запрета на свое мировоззрение, на свое прошлое и, вполне возможно, стала бы безоглядным критиком нового строя, если бы не неожиданный выверт судьбы, востребованность старой социалистической идеи населением, позволившая молодому коммунисту, в годы горбачевской перестройки возглавлявшему краевую комсомольскую организацию, стать губернатором. И принимая предложение единомышленника и коллеги, она предполагала сделать многое по-своему, так, как считала правильным.

Знакомые, с которыми она делилась своими планами по сохранению хороших традиций и дел прежнего строя, первое время охотно поддакивали ей, но постепенно, по мере того как правительство разбавлялось людьми, пусть и из бывших комсомольско-партийных работников, но уже постигших секреты капиталистического обогащения, успевших обрести материальную независимость и отказавшихся от прежних убеждений, начали отмалчиваться. И наконец на одной из планерок губернатор выговорил ей за то, что она не совсем понимает текущий момент.

Вечером она напросилась на неофициальный разговор, считая, что имеет на это право. Пока хозяин кабинета подписывал очередную порцию распорядительных бумаг, сама заварила крепкий чай, разлила по тонким фарфоровым чашкам, тем самым создав домашнюю обстановку, располагающую к откровенности.

– А помнишь вкус «слоников»? – откладывая наконец папку с документами и делая большой глоток, произнес губернатор, имея в виду индийский чай советской поры, на упаковке которого были нарисованы слоны.

– Мне кажется, он вкуснее был... – сразу определила свое отношение к прошлому Духина.

– Мне тоже так кажется, – согласился он. – Но время идет, вон как все поменялось.

– С ног на голову.

– Но нам жить и работать сегодня. И не только жить, но и строить совершенно новое государство.

– Без чертежей... – не удержалась, вставила она, хотя надо было бы послушать, тот настроен был на философский разговор.

Надо бы, но хотелось выговорить свое, наболевшее...

– Это правда... Поэтому нам так и трудно сейчас...

– А мне кажется, причина в том, что каждый из нас имеет свой чертеж.

– Ты всегда отличалась прозорливостью, – улыбнулся губернатор и добавил: – И привлекательностью...

Но она сделала вид, что не услышала.

Она знала, что этот крепкий и уже заматеревший мужчина, будучи еще комсомольским лидером, увлеченным больше идеями, чем женщинами, испытывал к ней симпатию, но для нее он был всегда несколько юн и суетлив, и при встречах, прежде и сейчас, она ощущала в себе необходимость дать ему совет, оградить от неприятностей, которых тот не видит. Одним словом, относилась так же, как к дочери, которая, правда, была на десяток лет моложе губернатора и уже тоже не прислушивалась к ее советам.

– Скажи, разве так уж плох был социализм? – спросила она.

– Мечта человечества – это коммунизм! – пафосно отозвался он. И, давая понять, что на такие высоты подниматься в теоретических размышлениях не намерен, добавил: – А в социализме мы не разобрались... Хотя в нем много хорошего... Но в сегодняшней реальности нам теперь придется не строить новое, а догонять так и не загнивший Запад.

– Но ведь было так много замечательного, – не сдавалась она. – Пионерская дружба, студенческие диспуты, гарантированная работа, тот же комсомол, бесплатное образование и медицина... Преступлений было меньше...

– Да кто же спорит! – всплеснул он руками. – Но теперь-то другая страна, нет больше Союза, другие ценности, другие люди во власти и электорат... другой... – Хотел сказать «народ», но вырвалось заимствованное у политтехнологов, заменивших теперь идеологов, «электорат». – Ты же видишь, теперь все решают деньги...

– Я вижу, что натворили эти демократы, – не сдержала эмоций она. – Все что могли развалили. В газетах пишут кто что хочет, в частные вузы принимают за деньги и учат непонятно чему, молодежь спивается...

– Вот это все нам с тобой и надо исправить... – перебил губернатор.

– Но только исходя из новых условий... Не мне тебя, Галина Федоровна, учить, у тебя опыта побольше моего. Но кое-что из социализма мы обязательно восстановим. Только не сразу и не афишируя... – Извиняюще добавил: – И пойми, не мог я только единомышленников взять в правительство, не мог... – Встал, прошел по кабинету, как делал это в крайнем возбуждении, когда настраивался сказать что-то важное. – Мне в Москве фамилии назвали и условие – взять без возражений... Хотя я и населением избран, а ты знаешь, как нынче народом управляют... Этих новомодных политтехнологов напустят... Или найдут, а не найдут, так сочинят какие-нибудь грешки, прессу настроят, сама понимаешь... Вон как первого губернатора сразу после Буденновска сняли. Ельцин даже вникать не стал: виноват, не виноват... Козел отпущения нужен был... А я в это кресло сел не для того, чтобы себе что-то урвать, капиталистом стать никогда не мечтал... Я, как и ты, лучшее из нашей юности, из социализма хочу сохранить и в новой стране...

– Тогда не давай такую свободу бизнесменам... Хотя бы не пускай их в идеологию...

– Идеологии теперь у нас в конституции нет, так что отвыкай от этого слова... И ты ведь курируешь социальный блок...

– А распоряжения ты подписываешь... Я писала докладную по вузам...

– Да, я читал... – Он с шумом отодвинул стул напротив, сел. – Сверху установка – никаких препонов, пусть плодятся... Рынок, мол, все отрегулирует... Так что, Галина Федоровна, давай будем удерживать свой плацдарм, насколько сможем. Но делать это без ненужного риска и рекламы... Договорились?.. Ты ведь об этом хотела поговорить?

– И об этом тоже...

– Что я тебе могу посоветовать, вот так вот, приватно... Делай так, как ты считаешь нужным, а я тебя буду поддерживать... Но учти, поддерживать, пока из Москвы команду не дадут. И не забывай, что врагов у нас с тобой с каждым днем не убавляется, а прибавляется... И желающих на наши места немало, поэтому подставляться нам никак нельзя.

– Неужели в Кремле не одумаются? – вырвалось у нее. – Ведь такое государство развалили...

– Вот о могуществе того государства, в котором нам довелось родиться и стать людьми, при свидетелях лучше не упоминай... Всем, кто сегодня при власти, важно, чтобы народ, да и мы с тобой, скорее забыли, в какой стране жили... Смотри на все реально... – Поднялся, глянул на часы. – Мне еще собраться надо, завтра утром в Москву лететь...

– А я уже заявление написала... – сказала все же заготовленное, хотя никакого заявления не писала и не собиралась. Но сомнения еще оставались...

– Какое заявление, Галина?... – Губернатор взгляд не отвел. – Нам с тобой идти до конца... – Обошел стол, приобнял ее за плечи. Большой, горячий, источающий уверенность и силу. Ей даже на мгновение захотелось к нему прислониться, но она выпрямилась и закрепила договоренность.

– Значит, я могу принимать решения исходя из собственного понимания...

– Конечно... Но с учетом реальной ситуации... И если чего-нибудь не учтешь, я не подержу... Но ты ведь всегда была умницей...

И он улыбнулся, хотя видно было, что уже переключился на другие, более важные для него заботы...

После этого разговора она делиться с кем-либо своим пониманием происходящих перемен перестала, а поступать стала жестче.

Когда-то в школьной юности она сожалела, что ей не довелось родиться раньше, не пришлось защищать Родину в лихую годину. Она не сомневалась, что перед лицом смерти поступила бы так же, как Зоя Космодемьянская или молодогвардейцы, и сейчас ее подвиг был бы примером для новых поколений. Будучи уже комсомольским, а затем партийным функционером, сталкиваясь с пассивностью и отсутствием самоотверженной любви к стране, которой обладала она, Духина поняла, что либеральничать, давать поблажки противникам существующего порядка нельзя. Особенно в идеологических вопросах.

Порой партийные решения рождали в ней смутные сомнения, но она решительно избавлялась от них, обвиняя себя в собственном непонимании того, что так ясно старшим товарищам. Став партийным работником, она с гордостью осознала, что ей выпало родиться и жить в уникальном крае, можно сказать, настоящей кузнице партийных кадров.

Отсюда начинался взлет одного из главных идеологов социалистической страны Суслова, здесь работал секретарь ЦК Федор Кулаков, на этой земле родился Андропов. Избрание же Горбачева генеральным секретарем ЦК КПСС считала для себя праздником: она с ним была знакома и не сомневалась, что так высоко поднявшийся земляк не забудет о ней. Но земляк вдруг затеял перестройку, которую она не понимала. Но все же, хотя и не с таким азартом, как делала все до этого, продвигала в жизнь и гласность, и ускорение...

Правда, постепенно этот ее тайный праздник становился все менее и менее радостным и наконец стал днем печали: на исторической сцене появился медведеподобный, грубый и наглый, предавший идеи коммунизма Ельцин, выросший где-то на окраине страны. Ей было поженски жалко и вдруг растерявшегося земляка, и расстроенную Раису, которую она помнила совсем другой – уверенной, самодостаточной, счастливой, какой может быть только любимая и любящая женщина.

Этот уральский увалень и грубиян, невесть каким образом попавший в Москву и фактически, как она считала, предавший своих товарищей, упразднил партию, лишил ее любимого дела, должности, уважения, ей пришлось ходить в подчинении тех, кто еще совсем недавно боялся зайти к ней в кабинет. И когда бывший коллега предложил помочь ему на выборах, с маленькой надеждой на победу, она какое-то время колебалась, преодолевая в себе нежелание пусть и опосредованно, но все же содействовать нововведениям разгульного президента. Но потом решила, что Москва все же далеко, а за край надо бороться, выдернуть его из рук демократической своры. И когда они, неожиданно для себя, выиграли выборы, она уже без

колебаний приняла предложение стать заместителем губернатора, взявшись исправлять то, что нагородил занимавший этот кабинет до нее демократ и карьерист Красавин...

...В списке записавшихся в этот день на прием был главный редактор частного журнала Жовнер. Может быть, в комсомольскую бытность она и сталкивалась с ним, тот работал в восьмидесятые годы уже прошлого века в комсомольской газете, но скорее всего не часто, потому что эта фамилия ей ничего не говорила. Вопрос, по которому тот записался на прием, был в ее компетенции, он просил содействия по распространению литературного журнала, который начал издавать. Она просмотрела несколько первых номеров, журнал показался ей интересным, решила, что помочь надо, литературу она любила, а к писателям относилась с уважением. Но на всякий случай попросила помощника собрать информацию о Жовнере и изложить свое или какого-нибудь авторитетного специалиста, профессора, преподавателя вуза мнение о журнале.

Эти две странички, на одной – мнение о журнале, на другой – справка о Жовнере – лежали перед ней на столе, она так и не успела прочесть их перед приемом и теперь, раздражаясь от стоящей в кабинете духоты, от того, что этот день выслушивания жалоб только начинается, от необходимости тратить время на мелочи в ущерб делам действительно неотложным и важным (хотела объехать детские лагеря отдыха, проверить подчиненных, сигналы нехорошие поступили, да и губернатор просил), взглянув на стоящего напротив с перекинутым через руку пиджаком (тоже, видно, вспотел) просителя, предложила ему сесть и побежала глазами по справке, не особенно вдумываясь, и вдруг остановилась, перечитала...

Оказывается товарищ-господин Жовнер из демократов... И друг-соратник господина Красавина... Страну помогал разваливать...

Опять вернулась к началу и теперь уже стала читать более внимательно...

И в советское время был этот господин уже неблагонадежным, находился под присмотром КГБ (все-таки отменный у нее помощник, раскопал), значит, враг давний и сознательный... А теперь он вот журнал издает, будет детей учить...

Мнение о журнале, изложенное на другом листке, в целом было неплохим, все в произведениях выдержано в традициях советской литературы, авторы известные в крае, но в большом историческом романе, который был главной публикацией первых номеров, «есть несколько страниц описания довольно откровенных любовных, эротических сцен». Помощник выводов никаких не делал, но строчку эту на всякий случай подчеркнул красным карандашом.

Она поймала себя на том, как поднимается раздражение.

Только на днях у них был серьезный разговор с дочерью, которая, оказывается, уже несколько месяцев живет с каким-то мужчиной, а она ни сном ни духом... А дочь, видите ли, считает, что ее мать отстала от жизни и со своими совковыми взглядами мешает ее счастью.

– Ну так выходи замуж! – не выдержала она. – Кто тебе мешает? Я? Отец?... Приводи его... живите... Но только после загса...

– А я, может, еще и не выйду за него... Не хочу потом, как ты...

И в очередной раз Галина Федоровна пожалела, что однажды, в минуту откровения, призналась дочери, что вышла за ее отца, родила ребенка и прожила немало лет, прежде чем они расстались, не любя.

И как от этого ей было мутно, как не спешила домой (может, от-того так много в свое время и сделала, и замечена поэтому была вышестоящими товарищами), как трудно женщине, когда не к кому прильнуть, некому показать свою женскую слабость...

Подалась к помощнику, хотела взглянуть на эти страницы с эротикой сама и передумала, уж слишком уверенный стоял перед ней господин Жовнер, словно и не просить вовсе пришел, а, наоборот, облагодетельствовать. Подавила в себе эмоции, как привыкла делать это за многие годы партийной и административной работы, но не смогла настроиться на ровный тон, задать пару необязательных вопросов, а понесла-покатила, уже не сдерживаясь, воздавая и новому

строю, и демократам, и, как значилось в справке, этому вполне успешному бизнесмену, который вписался в капитализм.

– А за что мы должны поддерживать ваш журнал? О чем вы в нем пишете?... – Она потрясла листочком, словно проситель знал его содержание так же, как она. – Чему хорошему он может научить, если вы печатаете порнографию!

– Какую порнографию? – растерянно произнес Жовнер, и надменное, как ей казалось, выражение его лица начало меняться на непонимающее. – Там хорошая проза, стихи...

– И мерзкие сцены в романе этого... – она бросила взгляд на помощника.

– Котенко, – подсказал тот.

– Вот именно, Котенко... Кстати, а откуда этот автор? Надо бы с ним разобраться... – отдала распоряжение помощнику.

– С ним уже не разберетесь, он умер, – глухо произнес Жовнер. – И жил он в нашем городе, вы должны были его знать. А это его последнее не опубликованное произведение...

– Хорошо, его нет, – снизила она тон, тщетно пытаясь вспомнить писателя с такой фамилией. Но на ум приходили две-три фамилии писателей, с которыми она решала текущие вопросы, – но вы редактор?.. Почему поставили?.. Может, взяли не за свое дело?

Эта фраза вдруг напомнила Жовнеру давний допрос в стенах КГБ, широкого низкорослого краснолицего начальника отдела и его безапелляционный приговор: «В идеологическом органе вам делать нечего!». Он усмехнулся и словно освободился от ощущения просителя, с которой входил в этот кабинет. Уже начиная понимать бессмысленность этой аудиенции, попытался возразить.

– Да, в романе есть сцены языческого ритуала. Это исторический роман, и автор описал его, основываясь на подлинных документах... И там нет никакой порнографии. Поэтому я не стал ничего убирать.

– Вы – редактор и должны были отредактировать, как положено... На что вы надеялись, когда шли сюда?.. Нет, мы вам, конечно же, помогать не станем... И даже запретим в школах читать ваш журнал...

– Спасибо, – сказал Жовнер и направился к двери.

– А я еще посмотрю, будет ли вообще ваш журнал выходить в нашем крае... – бросила вслед ему Духина, с трудом сдержав себя, чтобы не произнести что-нибудь более пугающее... Этот диссидент, отщепенец, этот разрушитель ее страны уходил так же надменно, как в свое время уходил муж, хотя она ждала, была уверена, что он одумается, остановится на пороге, попросит прощения, и она в этом случае смягчит свое наказание....

И этому дураку ведь уже готова была помочь... Надо будет все-таки посмотреть, что там на этих страницах...

– Кто у нас следующий? – повернулась к помощнику, стараясь поскорее выбросить из головы только что происшедшее...

Период надежд

Теперь у Жовнера отпали все сомнения: отношения с любой властью у него не сложатся. Видимо, так предначертано.

Даже когда во власти был Красавин, никакого навару ни в чем Жовнер не получил, хотя за пять лет друзья и знакомые прочих больших столоначальников умудрились быстро и непонятно на чем разбогатеть.

При коммунистах не был обласкан властью предрекающей, и в новой России, которую сам приближал, а теперь прилагал все усилия, чтобы она быстрее набирала экономическую мощь, на помощь тех, кто «наверху», можно было не рассчитывать. Возле бюджетного пирога уже выстроился заградительный пояс (да не в один, в несколько рядов), из тех, кто тому, кто теперь находился на карьерной лестнице выше, когда-то помог поднести чемодан, подмел ковровую дорожку, придержал дверь...

А те, кто уже из новеньких, скороспелых, мигом усвоивших, что такое власть денег и их дефицит в карманах чиновников, делали предложения без обиняков и намеков, прямым текстом: ты – мне, я – тебе...

Правда, был короткий период в его жизни, когда, казалось, наступило взаимопонимание, его помыслы не шли вразрез с помыслами вождей. Тогда его выслушивали в больших кабинетах и оказывали содействие. Но это было в столичных кабинетах – провинция, увы, его никогда не любила.

Один из его столичных знакомых, Леша Сафронов, сын родителей-журналистов, когда-то, до его рождения, перебравшихся в столицу (отец – из забайкальских степей, а мать – из белорусского Полесья), работающий, несмотря на молодость, в солидном журнале, в начале восьмидесятых убеждал его перебраться в Москву.

– Ты загубишь свой талант, он в провинции никому не нужен, пойми это... На каждом болоте свои обитатели, а у вас там – в основном лягушки и пиявки. У них все устремления присосаться да поквакать...

– А в столице?

– В столице?... У нас в основном цапли... Длинноногие и далеко видящие.

– И питающиеся пиявками и лягушками...

– Ну, может быть и так... Но главное, что они видят дальше.

– А в провинции цапель нет?..

– Не лови меня на слове, есть и в провинции, только они там... как белые вороны...

Понимаешь, у цапель кругозор другой, и лягушки их никогда не поймут... А ты именно такая цапля в вашем тихом болоте.

– Даже не знаю, благодарить или обижаться.

– Это комплимент...

– Ладно, пусть так, только я вот лягушками не питаюсь.

– Это, Саша, пережитки идеализма... Но в Москве ты от них быстро избавишься...

– Что-то не хочется избавляться...

– Тогда торчи над своими лягушками в одиночестве... И не надейся, что какая-нибудь из них тебя поймет...

Они беседовали в буфете большого здания, где располагались редакции нескольких известных журналов, запивая коньяк крепким кофе, и Сафронов периодически поднимался из-за стола, чтобы перекинуться парой слов то ли с авторами, заглядывающими в буфет, то ли с коллегами, забежавшими подкрепиться. Атмосфера гостеприимной необязательности витала в этих манящих авторов со всех концов страны коридорах и кабинетах.

Жовнер уже отдавал себе отчет, что все вопросы в столице решаются только при личном присутствии, ибо обещания, отложенные на потом, никем и никогда не будут выполнены. Участие Леши в его судьбе импонировало. А Сафронову нравилось, как Жовнер пишет. Сам он журналистским мастерством не блистал и попал в редакцию благодаря авторитету и связям родителей.

– А если без болотных сравнений, то пора тебе осознать: у тебя мозги не провинциала... Поэтому там тебе тесно и душно... Столица чем отличается от прочих мест?.. Претензиями!.. – с выражением произнес он последнее слово. – Это только маргиналы считают, что богатыми магазинами и суетой. Нет, старичок, столица – это большие возможности для самореализации. Но и большие требования. Ты этим требованиям вполне соответствуешь, так что используй возможности...

Может, он и уговорил бы Сашку на перемену жизненного вектора, но тут началась череда похорон генеральных секретарей, потом грянула перестройка, Леша сам растерялся от столь стремительных перемен (журнал быстро потерял и тираж, и влияние), а потом и вовсе Леша куда-то канул в поисках более благоприятных для выживания мест...

Этот период гармоничного существования с властью продлился недолго: даже если и был у него талант непровинциала, претензий явно не хватало.

...После неудавшейся аудиенции (вот ведь и Белоглазова нет, чтобы нивелировать ситуацию), поставив окончательную точку в своих отношениях с властями предрежжащими, Жовнер напрягся и нашел-таки возможность финансирования дальнейшего выпуска журнала. Правда, не без помощи федеральной структуры. (Все же прав был, наверное, москвич в первом поколении Сафронов насчет разницы кругозора.) Но уже ясно было, что финансовой независимости журнал не принесет, скорее, так и будет коммерчески невыгодным проектом, а зарабатывать, в том числе и на его издание (федеральная структура компенсировала лишь часть затрат, связанных с выпуском), придется на другом.

По сравнению с еще не забытыми годами социалистического бытия, пронизанного застойной тягучестью однообразия, теперь жизнь напоминала американские горки, похоже, реально отражающие положение человека в капиталистическом обществе. Строить планы на годы вперед, как было раньше, стало бессмысленно.

Казалось, ничего постоянного вообще не существует. И в этих новых реалиях, напрочь отвергающих наличие любого дефицита, вдруг такой дефицит появился. Это был дефицит специалистов в том виде бизнеса, которым он теперь занимался, отбросив попытку угнаться за большими деньгами. Ему казалось, что издание справочников имеет хорошую перспективу и позволит занять свою нишу на все никак не складывающемся отечественном диком рынке. Порой, когда поступали предложения влезть в ту или иную авантюру, чтобы сразу «срубить капусты на всю жизнь», он вспоминал давний разговор с Сафроновым и признавался самому себе, что все-таки провинциальное болото засосало его, существенно приблизив линию горизонта, раз уж все больше и больше перестает понимать, чего там разглядели столичные цапли, налево и направо распродающие по дешевке все, что только можно продать.

Но, похоже, на этих капиталистических горках главным призом, заслонившим все остальные ценности, бесспорно, стали деньги, и хотел он этого или нет, именно о том, как заработать, приходилось думать каждый день.

Когда он окончательно осознал, что в основе финансовой стабильности его предприятия лежат не идеи (которых у него было предостаточно, но их реализация не обещала быстрого обогащения) и даже не доступ к бюджетной кормушке (толчея возле которой у него ассоциировалась с увиденной как-то сценой драки грязных, полупьяных, вонючих бомжей возле помойки), а именно дефицит грамотных специалистов, он пошел преподавать в университет, куда его приглашали пару лет назад. Тогда ему не захотелось тратить время на воспитание преуспевших в знании неформальной лексики и уголовного жаргона студентов. Теперь же сам

напросился вести спецкурс, на котором учил тому, что умел сам, с надеждой, что попутно подготовит пару-тройку специалистов и для себя.

Но первые же лекции породили разочарование и подтвердили худшие опасения: мат и «феня» за десятилетие перемен, оказывается, вышли за пределы канувших в небытие производственно-технических училищ и рабочих окраин и прижились в студенческой аудитории. Студенчество же своей юности (несмотря на давление партийно-комсомольского прессы), он запомнил более склонным к эстетству и идеализации жизни, не поощряющем и даже презиравшем безнравственность и невежество.

Довольно скоро он разобрался, что виной тому не только засилье на телевидении и в книгах героев-преступников, но и более низкий уровень школьного образования. Симпатичные своей юностью студентки вдохновляли и вызвали возвышенные чувства лишь до первого произнесенного ими слова.

В конце концов он решил, что нет смысла пытаться понять их или тем более заставить думать. Перестал реагировать на равнодушное или скучающее выражение лиц, расцвеченных вызывающим макияжем, циничные намеки на благодарность в любой желаемой форме за незаслуженную оценку и уподобился тем преподавателям, которые у меньшинства ходили в любимчиках, а для большинства являлись нежеланной головной болью...

Спустя два года хотел было завязать с преподаванием, осознав, что не годится для роли миссионера в обществе непросвещенных туземцев, но его попросили задержаться еще на год (не было замены), он остался и не пожалел. На этот раз на курсе оказалось несколько человек, пришедших в университет не только для получения «корочек» – с ними можно было уже осмысленно разговаривать. Лекции все чаще стали принимать форму ответов на злободневные вопросы, совместный анализ происходящего в обществе, стране, мире. Особенно активными были Даша Коноплева – с открытым, еще детским выражением лица, единственная на курсе, если не в университете, предпочитавшая брюкам юбки и платья (отчего привлекательно выделялась среди сверстниц), и двое ребят – высокий, с тонкими чертами лица, внимательными глазами и острым умом Олег Маковский и широкоплечий, выглядевший несколько старше сокурсников, степенный и основательный в рассуждениях Денис Демьянюк.

Даша обычно садилась за второй стол наискосок от кафедры, отчего Жовнер видел ее точеные ножки, осенью соблазняющие негустым, как раз в меру, загаром, в холодные дни отвлекавшие разного цвета колготками, а весной романтически белевшие. Но более привлекало ее лицо, когда она вступала в спор или выяснение чего-либо. В эти минуты она поразительно напоминала ему жену в теперь уже давно оставшейся в прошлом юности. Елена так же была горяча, категорична в суждениях и требовательна в получении ответа, который должен был соответствовать ее представлениям. Можно было, конечно, ее и переубедить, но для этого требовалась неторопливая, логически выстроенная, без малейшего изыяна система убедительных доказательств.

Денис предпочитал первый ряд, но тоже не напротив, а сбоку. Довольно часто он садился как раз перед Дашей. Он в спор или диспут вступал легко, но, как правило, задавал вопросы, ответы на которые были очевидны, не старался самостоятельно дойти до сути и удовлетворялся поверхностным ответом. Вопросы его нередко были с подтекстом, заставляющим оглашать собственную позицию, – увиливать и прятаться за обкатанные, безликие фразы Жовнер не хотел. Да и не умел.

Олег занимал место если не в последнем ряду, «на камчатке», то ненамного ближе. В диалог он вступал не часто, дав возможность высказаться всем желающим, но всегда умудрялся как бы подвести черту, суммируя все услышанное. Он, несомненно, был самым эрудированным, хотя сменил несколько школ (отец – офицер-пограничник, и они часто переезжали), будущую профессию выбрал не случайно.

Вот на эту троицу Жовнер теперь и ориентировался, готовясь к лекциям или семинарам, не особенно заботясь о том, как воспринимают материал остальные, считая, что его задача дать возможность утолить жажду познаний тем, кто этого хочет. Ему нравилось импровизировать, ломая привычную рутинность и внося элемент неожиданности.

На одной из лекций накануне зимней сессии Денис Демьянюк вдруг спросил, можно ли считать деятельность краевого правительства достойным ответом вызовам времени. Жовнер сказал, что эта тема требует отдельного и серьезного разговора, они могут к ней вернуться в следующем семестре, но, если коротко, то, конечно же, нет, не отвечает. И привел в пример необъяснимую, на его взгляд, ничем, кроме как ностальгией по ушедшим временам, приверженность Галины Федоровны Духиной к выпестовыванию трудовых отрядов старшеклассников.

– Сейчас в селах новая техника, технологии, формы управления...

Специалистов действительно не хватает, но не разнорабочих. Да, надо думать о будущем, когда сегодняшние механизаторы, животноводы, полеводы выйдут на пенсию, но зачем же учить пользоваться тяпкой или техникой вчерашнего дня?.. Раньше, при советской власти, которую вы, естественно, не помните, рабочих рук в уборку не хватало, и привлечение школьников было оправданно. Но сегодня ситуация совсем другая...

Я не так давно общался с директором крупного сельхозпредприятия, так он считает, что у нас в деревне избыток трудового населения процентов на двадцать, и с расширением использования новой техники и технологий они определенно останутся без работы. Так что не стоит тратить деньги на отжившее и неэффективное, а лучше вкладывать их в обучение новым профессиям, в развитие талантов, и не обязательно только хлеборобов... Деревне сейчас больше нужны люди, способные организовать, пусть маленькое, но свое дело. Ту же парикмахерскую открыть, мастерскую по ремонту бытовой техники, которой становится все больше... А главное, школьников надо учить выживать в новых условиях. Так что уважаемая Галина Федоровна сегодня не вперед ведет – назад тянет...

Высказал то, что хотел, не задумываясь о последствиях, слава Богу, не при коммунистах живем, критиковать теперь можно всех без разбора, начиная с президента... Еще раз повторил, что подробнее об ошибках нынешней краевой (и не только краевой) власти они поговорят уже в новом году.

На следующий день раздался неожиданный звонок. Заведующая кафедрой Ольга Семеновна Шепелева голосом, полным скорби и участия, с паузами и громкими вздохами, сообщила, что по сложившимся обстоятельствам университет вынужден прервать с ним деловые отношения.

– Вы разрываете контракт? – уточнил Жовнер, уже смутно догадываясь о причинах столь неожиданного известия. Еще вчера Шепелева говорила ему о том, что студенты души в нем не чают, и обещала сама заглянуть на лекцию. – И по какой причине?

– Ваш курс не соответствует утвержденной программе...

– Не темните, Ольга Семеновна, вы недавно восторгались им...

– Да, действительно, – осмелилась сказать правду та, – студентам ваши лекции нравятся. Но зачем вы, Александр Иванович, критикуете краевое правительство?

– Ах, вот в чем дело. – Жовнер даже развеселился. – А мы что, уже не в демократической стране живем?..

– Александр Иванович, вы же и так все хорошо понимаете... Мы ведь с вами еще не забыли, как было при коммунистах...

– Ну да, те же коммунисты, только перекрашенные, и сейчас во власти, – закончил он то, что не осмелилась произнести Шепелева.

– Но, правда, пока я правительство наше не критиковал, только Духину, значит, это ее пожелание... Точнее, приказ... «Позвоночное» право, никак мы без него... Только вот неясно, кто ей донес?

– А вы разве не знаете, что в каждой группе обязательно есть осведомитель?

– Признаться, как-то запамятовал.

– Напрасно.

– А вы знаете, кто?

Она молчала.

– Знаете, – утвердительно произнес он. – Ну, так подскажите, я догадаюсь...

– Тот, кто вам вопрос задал...

– Значит, у вас тоже есть свои осведомители, – констатировал Жовнер. – Господи, а я по наивности думал, все осталось в прошлом...

– Человек консервативен... Я пыталась вас отстоять у ректора, но там такие круги пошли...

– А я по собственному желанию не уйду. Предам гласности все, включая и позицию вашего начальства...

– Вы серьезно?

– Да, – твердо произнес он. – Так и передайте... кому там, декану, ректору, самой Духиной... Слава богу, пресса у нас свободная еще есть...

– Хорошо, я передам, – пообещала она. – Только вы не торопитесь.

Я вам перезвоню...

Василий Всеволодович Балдин своей жизнью был доволен. К сорока годам он в своей профессии достиг той ступени, которая для многих оставалась так и не осуществленной мечтой. Когда-то, радуясь своему выделению из армейской среды посредством сержантских нашивок, он полагал, что дальше его карьера будет складываться традиционно прямолинейно, и настроился на этот неторопливый, размеренный подъем вверх, понимая, что главное в этом подъеме не только правильно распределить собственные силы, но и овладеть умением сохранять равновесие, дабы ни с кем из подобно ему устремленных к верхним ступеням карьерной лестницы не соприкоснуться слишком плотно. Но размеренность жизни сломалась, когда его профессиональный рост еще только начинался. И тогда, единственный раз в жизни, он усомнился в правильности личного намеченного плана и вместе со страной устремился к переменам.

Покинув пост заместителя редактора главной партийной газеты края по собственному желанию, он открыл свою фирму, начал выпускать газету, занялся строительством, понимая, что именно за этой отраслью с ее сумасшедшим дефицитом будущее экономики новой страны, а значит, и материальное благополучие тех, кто освоит этот бизнес в числе первых. Но газета скоро перестала приносить прибыль, со строительством не складывалось, покупатели строящихся квартир не торопились приносить свои капиталы, банковские кредиты вели скорее к нищете, чем к преуспеванию. Стало понятно, что хищный оскал капитализма – это все-таки не метафора, как думалось совсем недавно. Похоже, это лучше, чем подавляющее большинство населения страны, понимали именно те, кто совсем недавно призывал усиленно строить коммунизм, а теперь, сдав партбилеты, занял места в кабинетах демократического крайкома-правительства и исполкома-думы. И он прислушался к советам старших, более опытных товарищей, закрыл свою фирму и стал помощником председателя краевой думы.

После сложных многочисленных задач, которые приходилось решать в бизнесе, где после первостепенных финансовых проблем стояли кадровые, потом отношения с госструктурами, надзорными органами, заказчиками, подрядчиками, новую должность можно было сравнить с времяпрепровождением на курорте. В коридорах бывшего крайкома исполкома стояла такая же, как и прежде, благостно-спокойная атмосфера, в которой самое главное было исправно

соблюдать режим и ни с кем не портить отношений. Только при выполнении этого условия была полная гарантия получения зарплаты и всякого рода надбавок за не очень напрягающий труд. На первых порах он проявлял усердие, хотя не очень-то и старался, просто само собой получалось, что задания шефа он выполнял быстро и качественно. Через пару недель тот задержал Балдина вечером и, налив себе и ему по рюмочке коньяка (была пятница, можно расслабиться), изложил главную заповедь чиновника: не спешить.

– Торопиться вообще в жизни вредно, – говорил он, краснея от выпитого круглым лицом и добрея глазами. – Ну а в нашем бумажном деле – тем более... Да, конечно, у вас тоже дело бумажное, – вспомнил он профессию Балдина. – Но газета – это конвейер, каждое утро, хочешь не хочешь, выдай ее читателю, порадуй новостью или, как нынче, сенсацией. Понятно, журналисту, как гончому псу (председатель был страстный охотник), бегать надо, а в политике торопиться вредно. В ней ничего нового: воеводы с дружинами, князья с боярами, царь с дворянами или политбюро с коммунистами, а теперь вот мы, все во все времена одну задачу выполняем: в узде держим человеческое стадо, чтобы друг дружку не побили... Так что суть нашей службы – старое за новое выдавать... Какое ни есть устройство государства – поддерживать его. А народу все одно, красный ты или белый, или как наш элдэпээровец, который юрист, сын юриста, хамелеонистый...

Это роли не играет: законы, на которых государство держится, одни и те же... Кнут и пряник. Главное, правильно их сочетать и своевременно использовать то одно, то другое...

– В бизнесе те же рычаги...

– И в производстве... Главное, не перепутать, что в какое время и на какого зверя вытащить... Коммунисты вот ошиблись... – Он задумался и после паузы, во время которой Балдин всем своим видом выражал терпеливое ожидание, продолжил: – Нет, мы не ошиблись, у нас просто очередного пряника не оказалось... Ну а кнут не к месту подвернулся...

Одним словом, в нашем чиновничьем деле шустрить не надо. Я вот тебе дал бумажку сочинить, сказал, неделю занимайся, вот ты неделю и занимайся. Сумел быстро сделать, не торопись докладывать, делай вид, что

трудишься как пчелка... Если начальник сказал: пойди и принеси вот то и оттуда, значит, труд твой с гулькин нос ценится. А вот ежели отправит не знаю куда да велит принести не знаю что, а ты догадаешься и самого удивишь, вот это подвиг, за такой труд и в герои... Даже если ты только за угол завернул и безделицу какую притащил...

И Балдин молча согласился, вспоминая анекдот-побасенку о том, как корпели над каждым докладом первого секретаря крайкома его помощники, сочиняя вариант за вариантом, и как в конечном итоге он одобрял самый первый...

Шеф, прошедший все положенные ступеньки партийной карьерной лестницы и быстро сориентировавшийся при новом строе, явно Балдина выделял. И тот догадывался, почему: рано или поздно каждому неглупому человеку хочется иметь своего ученика. И редко такими учениками становятся собственные дети. У шефа дети были практичными людьми и, в отличие от сверстников, устремившихся на экономические и юридические факультеты, выбрали профессии, необходимые при любом строе, закончив медицинский институт, и жизненную науку родителя не признавали.

Советы непосредственного начальника Балдин учел и быстро перестроился, тем более что возникла мода на ученые степени и он решил, что совсем нелишне будет иметь степень кандидата каких-либо наук. После недолгих размышлений, с учетом совета шефа («С чего начинается государство? С законов. А они как дышло, народ это давно заметил...») стал студентом-заочником юридического института, экстерном его закончил и уже в дипломной работе определил тему кандидатской диссертации. Теперь свободное от поручений время он использовал для написания диссертации и к концу срока работы думы успешно (правда, не без поддержки шефа) ее защитил.

В новый состав думы шеф не прошел, но предвидя это заранее, подобрал себе несуетную должность директора в одной из устойчивых госструктур, где зарплата была не ниже, а возможности сверх бюджетного вознаграждения за свой труд существенные. Позаботился и о своем ученике, настояв на назначении того редактором бывшей партийной, а теперь демократической газеты, хотя и со старым сохранившимся названием, в котором ключевым было слово «правда».

По всем меркам предыдущей советской жизни это было повышение, и Балдин вернулся в знакомое здание с охотой, намереваясь изменить существенно, может быть, даже кардинально, в соответствии с новым строем и газету, и жизнь. Спустя пару лет он уже привычно сидел в кресле главного редактора, найдя взаимопонимание с новым председателем думы. Правда, не складывались отношения с губернатором, но он старался не допускать опрометчивых шагов, сделал газету сугубо информационным изданием, не соблазняясь ни на обещания оппозиции оказать поддержку, ни на ожидания читателей, ищущих правдивую аналитику, ни на вдруг ставшую модной лживую, но привлекательную желтизну. И скоро убедился, что занял самую устойчивую позицию: губернатора и депутатов устраивала такая политика главного редактора, и они, являясь учредителями, в редакционные дела не вмешивались, оппозиционеры на свое возмущение отказом в предоставлении газетной площади для критики, видя участливое внимание главного редактора и слыша магическое оправдание: «Что могу поделаться, не наш формат», записали его в сочувствующие и критикой не донимали. Ну а что касается чаяний читателей, то они не имели под собой финансовой основы: доходы от подписки и продажи уже не позволяли быть независимым изданием, основными источниками финансирования стали субсидии из краевого бюджета, реклама и заказные материалы. Тем не менее, к главному редактору нет-нет да и заходил тот или иной обиженный верный читатель, все еще верящий в силу печатного слова.

К визиту Жовнера, которого Балдин хорошо знал (в пору работы в «молодежке» квартировали вместе), он отнесся с вниманием. Хотя и считал, что последнее время некогда бывший одним из первых, кто понял капитализм и успешно вписался в новые условия, Александр утратил способность ориентироваться в нынешних, уже капиталистических переменах, начал себе в убыток выпускать мало кем востребованный журнал, помогал писателям, бесполезно тратя не только деньги, но время и силы.

Балдин выслушал Жовнера, поглядывая на часы и понимая, что за полчаса не сможет все равно передать ему всю премудрость бюрократического мира, которую тот (это стало видно с первых слов) совершенно не понимал.

– Мне все ясно, – наконец вставил он, когда Жовнер высказал основное, и перешел к собственной эмоциональной оценке случившегося. – Ты, Саша, пойми, несмотря на твои заслуги и деньги, ты, как и любой другой бизнесмен, для чиновника, даже самого мелкого, в лучшем случае – никто, так, статистическая единица. А в худшем – объект для стрижки купонов... Ты же никогда в номенклатуре не был...

– Был, – буркнул тот.

– Когда же? – удивился Балдин. – Я вроде всю твою биографию знаю.

– Когда ответственным секретарем работал...

– А, ну это не в счет. Это только числился... А я уже в новой России в старых кабинетах посидел...

– Красавин тоже сидел, а человеком остался...

– Ну, ты нашел пример... Красавин как был чужим, залетным в стае, так за пять лет ни черта и не понял, поэтому и вылетел... А между прочим, был бы погибче, не лез на рожон со своей демократией, не воевал с губернатором, и в этом правительстве ему место нашлось бы, как остальным...

– Слава богу, не все бесхребетные... Ты тоже вроде не усидел.

– Я тайм-аут взял... Придет и мое время. Только насчет бесхребетности не надо столь уничижительно... Знаешь, хребет-то как раз и не надо лишний раз демонстрировать, а то сломают... – Балдин снисходительно, давая понять, что в этих вопросах разбирается лучше, улыбнулся.

– А тебя, Вася, похоже, власть манит...

– Не власть. Возможности, которые она дает... Ты все эти годы, еще с перестройки, если не ошибаюсь, бизнесом занимаешься. Привык уже быть самостоятельным, ни от кого не зависеть... У тебя это получается, хотя понять, как ты умудряешься не разориться, я не могу.

Ничем не торгуешь, от бюджета не откусываешь, еще и журнал убыточный выпускаешь... Я вот пробовал, ты знаешь, но хорошо, вовремя одумался, не мое это... Рискуешь, ночами не спишь, ломаешь голову, на чем заработать, не знаешь, что завтра будет...

– Ну да, у раба все просчитано наперед...

– Меня-то ты к рабам не причисляй... – придал голосу выражение жесткости Балдин.

– Извини, естественно, это не на твой счет. У тебя проблем в этом кресле не меньше моего.

– Если не больше... Но другие... – Он многозначительно помолчал. – Вы, писатели, любите гротеск... Хотя, не спорю, бывают рабы и при власти: кто-то должен и машину подать, и чай с булочками по кабинетам разнести, и мелкие поручения исполнять... Даже у больших начальников рабское начало остается, ведь по ступенькам снизу поднимался... Но есть и те, для кого государство – это главное, такой будущее для всех выстраивает – для тебя, для детей наших... Да что я распинаюсь, ты же такого человека знаешь...

– Я уже больше пятнадцати лет бизнесом занимаюсь, и с каждым годом от этой заботы государства обо мне дышать все труднее... А что касается Красавина, ты сам сказал, что стая его не приняла, значит, не нужны такие...

– А таких, как он, должно быть большинство, а не меньшинство, как сейчас... Ну а что касается бизнеса, то в начале перемен предпринимателям многое позволили... И позволь дальше – государства уже не было бы... – Он опять снисходительно взглянул на Жовнера. Так смотрит борец сумо на наилегчайшего дзюдоиста. – Но мы так с тобой долго можем делиться мнениями... Ты же пришел за конкретным советом?

– Можно сказать и так.

– Только так, потому что, извини, Саша, но в газету твой конфликт тащить не будем. Ты вот уже сесть начал, пора понять: с государственной машиной, в которой эти самые чиновники, маленькие и большие, всего лишь винтики и шестеренки в одном механизме, ссориться себе дороже. И время, и деньги, а главное – здоровье потеряешь. А если вот так случилось, как у тебя с Духиной, надо прибегнуть к дипломатии. Во-первых, разобраться, в чем причина... Может быть, ты ей просто как мужчина не понравился, – Балдин усмехнулся.

– Хотя, я уверен, что это не так, она интеллигентов уважает... Но у женщины всякие причины могут быть. Не с той ноги встала, мигрень разыгралась... Но зная ее, более правдоподобно будет предположить, что причина в чьем-то мнении, донесенном ей...

– Каком мнении?.. Мы с ней из-за журнала раньше столкнулись, вот и запомнила...

– Если бы они все стычки запоминали, лечиться бы устали... Нет, кто-то, чье мнение для нее важно, плохо отозвался о тебе. Или о твоём журнале. Может быть, о друзьях... Кстати, ты с Красавиным поддерживаешь отношения?

– Конечно.

– И губернатору где-нибудь публично косточки перемывали?..

Жовнер помолчал, припоминая.

– Было как-то... С одной дамой из мэрии.

– Я не уверен, но допускаю, что именно это и стало причиной вашего конфликта. Красавин для нашего губернатора – враг номер один.

Ну и, естественно, его друзья тоже... А Духина не только подчиненная, она, еще с комсомольской поры, верный соратник губернатора.

– Не думаю, что моя личность столь значима для власти, – усомнился Жовнер. – Просто один юный сексот капнул ей о моей оценке кое-каких ее начинаний...

– Это может быть повод. Но, поверь мне, не причина... Чиновник такого ранга скоропалительных решений не принимает. Чему-чему, а осторожности и взвешенности и прежде, и сейчас в коридорах власти учат в первую очередь. Иначе не удержишься.

– Хорошо, допустим, ты прав. А что же мне делать, если ты публично, через газету, защищать себя мне не даешь?

– Да этим ты не защитишь себя, наоборот, усугубишь все... – Балдин подумал. – Ладно, давай я прозондирую, какая кошка между вами пробежала, а ты не лезь в бутылку. Поверь мне, с этой машиной воевать себе дороже...

Мудрый, однако, стал Балдин, подумал Жовнер, выходя из просторного кабинета главного редактора. Не по годам мудрый... И вспомнил, как тот говорил, что станет редактором. И стал.

А вот теперь, похоже, собирается в правительство...

...На следующий день Жовнеру позвонила Шепелева. На этот раз голос у нее был бодрый, заведомо уведомляющий о том, что новости будут хорошие.

– Александр Иванович, вы меня извините, что заставила вас поволноваться, – начала она заискивающим тоном. – Но я не так поняла, вы неправильно восприняли... Студенты о ваших лекциях очень высокого мнения, никто ничего менять не будет, программа утверждена... Одним словом, мы вас ждем на кафедре.

– Заседание кафедры?

– Нет, что вы, какое заседание... У вас занятия, вы не забыли?..

– О лекциях я помню.

– Вот и продолжайте читать...

– Хорошо, – подумав, сказал Жовнер. – Курс я отчитаю, но...

– Вот и замечательно, – перебила, недослушав, заведующая кафедрой и положила трубку.

Время понимать

Планируем.

Спешим, торопимся...

Когда впервые приходит осознание скоротечности времени?.. Наверное, у каждого в свой час...

В своем, уже прожитом отрезке жизни Жовнер отметил три точки, в которых Время напоминало о себе.

Первое осознание своего бессилия перед ним он пережил в детстве, когда вдруг узнал, что и он, и родители, и все старенькие люди, в том числе обе его бабушки, баба Таня и баба Марфа, и дедушка Иван Васильевич Потоцкий, рано или поздно умрут. Он носил этот страх в себе довольно долго, боясь с кем-либо им поделиться, это была настоящая тайна, которая перестала быть тайной, когда умер дед – сухонький, невысокий, сутулый, припадающий на ногу (отчего ходивший с неизменной, отполированной руками тростью и грозивший ею озорникам, если такие встречались на его пути). Он пролежал в больнице совсем недолго, однажды утром мать вдруг обрядилась в черное платье, повязала на голову черный платок и ушла в дом деда. И в этот день никто не загонял Сашку с улицы домой, он нагулялся досыта, а потом, не застав никого дома, голодный, пошел тоже к деду и увидел там много эженицин, одетых в черное, молчаливых мужиков, куривших во дворе и на улице перед распахнутыми воротами, и, поев на кухне, заглянул в комнату, где дед в черном новом костюме лежал под горячей перед иконой лампадкой, а старичок в черном что-то непонятное монотонно читал, глядя в потрепанную книжку. И тогда Сашке так захотелось, чтобы дед встал и, опираясь на свою трость, вышел к мужикам, что он расплакался и убежал на улицу, а на следующее утро, когда отец вместо работы опять ушел в дом деда, велел ему прийти следом (мать совсем не ночевала дома), убежал на другую окраину города, к леспромхозовской конторе, куда иногда мать брала его с собой на работу, чтобы покормить в столовой, и прибежал к дому деда, когда все уже вернулись с кладбища...

Тогда он впервые осознал неумолимость Времени...

Потом это ощущение скоротечности настоящего, а вместе с тем и страх перед неизбежным уходом уступили место азартному освоению все расширяющегося познаваемого мира отношений, накалу новых чувств, желаний, страстей. Мгновения, наполненные этими ощущениями, стали казаться настолько длинными, что мысль о том, что можно не дожить до возраста деда или даже прожить значительно меньше, не пугала: сорокалетние (за исключением родителей) уже казались стариками, и представить себя в их возрасте было трудно, потому что до них еще была целая вечность... И в этой непрожитой вечности было столько неизведанного и манящего...

Вновь он вспомнил о неумолимом течении времени, когда был безмерно счастлив: любил и был любим, и они с Еленой наслаждались узнаванием друг друга. Была золотая осень, один из тех прозрачных чистых дней, когда природа щедро дарит свою зрелую, освобожденную от весеннего буйства, летних забот и созревших плодов красоту.

Было солнечное утро, их комната купалась в нежарких солнечных лучах. И они любили друг друга в солнечном свете, нисколько не стыдясь и ничего не скрывая друг от друга. Потом Елена поднялась с постели, прошла к окну, встав на носочки, потянулась, вскинув руки, и он задохнулся от чар, исходящих от совершенства ее тела, восхитился красотой его линий, чистотой, воздушностью и поймал себя на остром желании остановить это мгновение и остаться в нем навсегда. И до пронзительной тоски осознал: оно не повторится... Пройдут годы, и возраст изменит эти линии, воздушность сменится грузностью, да и он станет дру-

гим... И стало больно, как тогда, в детстве, оттого, что нельзя остановить мгновение, в котором ты приблизился к чему-то вечному...

Дни сменялись днями, годы убыстряли свой ход, не щадя никого из живущих, и он незаметно перешагнул тот, сорокалетний, казавшийся когда-то недостижимым, рубеж, и вновь вернулась горечь бессилия перед временем. Это был кризис среднего возраста. То, что противостоит переходному возрасту. Только уже с другим вектором. Тогда он поднимался в гору, веря, что до вершины еще далеко, теперь уже начал спускаться...

И, похоже, просмотрел вершину, к которой так стремился... А на смену «еще успею» все чаще стало выговариваться «если успею»...

Многолетний устоявшийся образ жизни, привычные отношения вдруг перестали удовлетворять... Большие и маленькие увлечения, которые прежде радовали, утратили способность заряжать. Поубавилось страсти, уменьшилось рабочего азарта, стали чаще приходить мысли о пройденном перевале, после которого впереди уже заведомо меньший отрезок того, что остался в прошлом... И трудно было понять, хорошо это или плохо, правильно или нет... Вновь вернулся страх перед неизбежной конечностью пусть и не столь молодого, но все еще сильного тела. И обида невесть на кого, что может не хватить времени, чтобы реализовать задуманное, израсходовать накопленный опыт... И было непонимание: как? неужели почти полвека он живет на этом свете? Душой он совсем не чувствует груза лет, хотя тело вдруг стало напоминать о себе болячками... От этого расхождения, раздвоенности души и тела можно было спрятаться, выпив рюмку-другую, тогда тело, как и душа, становилось на какое-то время легким, и он стал прибегать к этому лекарству, все уменьшая и уменьшая разрыв между приемами анестезирующего память снадобья, пока однажды не осознал, что тем самым еще более ускоряет отпущенное ему время жизни и безжалостно предает беспмятству стремительно уходящие дни, оставляя себе все меньше шансов завершить то, что начал, и сделать то, что позволяет сделать его опыт...

И испугался.

А испугавшись, перестал убегать от себя и воевать с всеильным Временем. И осознал, что это наступает время понимать.

Понимать жизнь, себя, мир, свою роль в этом мире.

И того, кто все это создал...

... Сотрудники автоинспекции все не ехали.

Механическое стадо накатывало световыми волнами и стремительно обтекало их побитые машины. И каждый сидящий за рулем, проносясь мимо, несомненно прикидывал, как угораздило этих бедолаг не разъехаться, отделяя себя от случившегося, считая, что просто кто-то из двоих пострадавших лопухнулся, а уж с ним такого никогда не произойдет...

Говорят, в Индии никаких правил дорожного движения нет.

Жовнер в Индии не был, но от знакомых слышал об особенностях тамошних водителей умудряться ездить без правил и без аварий...

А в Германии наоборот – все живут исключительно по правилам...

Удивителен и разнообразен мир Пространства.

Но еще более удивителен мир Времени.

Так вот, похоже, когда наступает время понимать.

Понимать Время.

Прошлое и настоящее.

Всеильна и загадочна эта субстанция.

Все в мире имеет начало и конец (кроме бесконечности и окружности).

Одно противостоит другому: верх – низ, плюс – минус...

А вот время не течет вспять, хотя этого хочется более всего.

Но ведь если есть мир Прошлого, есть Настоящее и представления о Будущем и настоящее является точкой отсчета, должна же быть, нет, обязательно существует возможность узнать и вновь прожить Прошлого... Те же писатели-фантасты уже давно освоили путешествия во Времени...

И разве не переживаем мы прошлое, когда становимся дедушками и бабушками?..

В начале нового века у Светланы родилась дочь. Александр с Еленой долго не могли привыкнуть к своему новому статусу. Радовались маленькому человечку с удивительно пронзительными глазами, изучающими их и, казалось, знающими неведомое или забытое ими, нянчились (как когда-то с ними? трудно поверить, что и они были маленькими), постепенно вводя маленького человека, новую душу в мир, о котором сами уже не думали, что он так хорош, как внушали новорожденной...

Вот, смотри, какая зелененькая травка...

А это такой красивый цветочек....

Листик желтый и звонкий...

Холодные снежинки, правда, девочка?..

И взгляд внушки с каждым днем взросления становился не столь пристальным, утрачивая пугающую проницательность сокровенного знания.

Зато получались: первая улыбка, первое «агу», первые шаги, первые слова...

И однажды Жовнер, теперь уже дедушка, вдруг понял, что, в сущности, наблюдая этого человечка, он переживает свое прошлое... Так же когда-то вводили его в этот мир мать и отец и его бабушки и дедушка, пусть в другом месте, в другое время, но ведь все было так же...

И вот теперь девочка Софья, в которой есть что-то и от него, повторит его путь познания этого мира и себя... Не с детьми – именно с внуками возвращается прошлое. Жизнь детей проходит параллельно: ты еще молод, полон амбиций, нерастраченной энергии и азарта, ты еще способен тратить свою любовь на второстепенное, занят собой и, как правило, совсем не знаешь, чем живет твой ребенок... Вот чем жила его дочь?.. Что он мог сейчас вспомнить из ее прошлого?.. Кое-что из поры ее детства: катание на санках или поездки в цветущую степь... Потом тревога: как бы чего не случилось в этом магнитом притягивающем ее дворе... Подростковую строптивость, когда непонимание собственной дочери дошло до высшей точки, после которой она совсем отдалилась, стала жить своей жизнью. Из-за страха за нее заставляя ее жить по своему распорядку, он тем самым еще более отдалял ее... Впрочем, у него есть оправдание – юность дочери выпала как раз на время перемен...

Хотя какие могут быть оправдания, когда речь идет о другом человеке, о другой душе... За то, что заняты были собой, их поколению и нести крест вины перед собственными детьми...

Но не только вина перед детьми заставляет нас не жалеть время на внуков. На самом деле мы вновь пытаемся прожить собственные рождение, детство, юность... И даже зрелость многим дано повторить. Вот только старость проживается каждым всего один раз...

...Эк тебя занесло, Александр Иванович...

Девушка все еще говорила по телефону, у нее, наверное, немало тех, кому она должна была сообщить новость.

Все так же накатывал и обтекал их ревуший спешащий вал.

Ничего более не оставалось, как вспоминать прошлое...

Черное и белое

Желаемое, если оно не надуманное, конечно, сбывается. Но вот у каждого в свой срок. У кого-то – не успеет и пожелать, а у кого-то уже и забудет, да вдруг – нате вам... У Жовнера (он это заметил, когда перевалил свои полвека) желаемое сбывалось всегда со значительным запозданием. И приходило не тогда, когда он страстно этого хотел, страдая и торопя время, а когда остывал, успокаивался и готов был принять некогда желаемое, как радующее, но уже не вызывающее хвастливой гордости событие.

Первую книжку он хотел издать в Красноярске к своему тридцатилетию, как раз, как он считал, сложилась вполне приличная. Но не получилось. Когда стал участником Всесоюзного совещания молодых писателей СССР (где встретился с Баяром Согжитовым: надо же, двое из Иркутского политеха, из «Хвоста Пегаса» на таком форуме!) и его рукопись была рекомендована и в журнал, и в издательство, казалось, желаемое осуществилось... Вот они – публикации, книжка – и он член Союза писателей. У Баяра действительно скоро вышел сборник стихов, и он реализовал свою мечту, став членом творческого союза, а у Жовнера все не складывалось.

Наконец не в столичном – в краевом издательстве вышла первая долгожданная книжка, но уже началась перестройка, перемены, появились иные манящие ориентиры. Жизнь стала походить на увлекательный роман, ее гораздо интереснее было проживать, чем сочинять, и он жил, и совсем не тянуло к письменному столу...

Думал, никогда больше и не потянет, но ошибся. Когда новизна событий, отношений, ценностей, привнесенных из капиталистического загнивающего, но пока не загнившего Запада, невиданное при социализме изобилие товаров перестали кружить голову, вновь стало интересно сводить разрозненные впечатления, находить тайную и истинную логику перемен. Но теперь остались в прошлом не только рецензенты, редакторы, цензоры и гонорары, теперь он сам мог издавать свои книги, не думая, понравятся ли они еще кому-то, кроме него. И он издал, не ожидая поощрения и славы, но члены урезанной и утратившей привилегии и свою привлекательную недоступность, но все же сохранившейся писательской организации стали убеждать его в необходимости вступления в свой профсоюз, все еще веря, что вернется его былая мощь.

Он задал тогда немыслимый прежде вопрос: а зачем ему красная корочка этой организации?.. В Советском Союзе удостоверение члена Союза писателей СССР давало немало материальных благ. Прежде всего, возможность регулярно выпускать книги, получать гонорар за них и выступления выше, чем у не членов Союза. Кроме того, оно давало право отдыхать на творческих дачах, включая знаменитое Переделкино, и в санаториях, принадлежащих писателям. Член союза к тому же имел право на дополнительную (для рабочего кабинета) жилплощадь.

Наконец, это была узаконенная возможность не ходить ни на какую службу, а быть свободным человеком.

Да и почет, уважение, которым пользовались писатели и в народе, и у власти, значили немало.

В новой России творческие союзы приравнили к любительским обществам. Многотысячная армия профессионалов, мастеров слова, вдруг оказалась никому не нужной: вал переводной литературы хлынул из-за рубежей уменьшившейся в размерах страны, удовлетворяя давнюю склонность ко всему заграничному, запретному. Жовнер сам кинулся утолять интеллектуальный голод, не устая повторять, что доступность к любой информации и есть самое главное приобретение нового времени, потому что в пору жадной на знания юности вместо оригинальных произведений зарубежных, да и доморощенных, но запрещенных авторов ему приходилось читать лишь критику на них.

Желание иметь писательское удостоверение (и пользоваться привилегиями) осталось вместе с большой страной в прошлом, но тем не менее он поддался уговорам, вступил в союз, отдавая себе отчет, что, хочет того он или нет, его жизнь неотделима от этой профессии.

Тем более теперь, с появлением литературного журнала, который он редактировал и издавал.

Первое впечатление об «инженерах человеческих душ» он сложил в Иркутске, когда Борис Иванович Черников вдруг решил их с Баяром Согжитовым ввести в круг умных и снисходительных собеседников.

Это были семидесятые годы, имена Александра Вампилова и Валентина Распутина уже были известны заядлым театрам и читателю. Вместе с ними и иркутская писательская организация продвинулась по шкале профессионального уважения, встав вровень с вологодской, где в это время так же на всю страну звучали имена Николая Рубцова, Владимира Солоухина, Виктора Астафьева.

Вечер в доме писателя-фронтовика Дмитрия Сергеева, мудрого в своей неторопливости и знающего гораздо больше, чем говорил, прозаика, отложился в памяти на всю жизнь. Как и образ хозяина дома: невысокого, приветливого и по-учительски внимательного, умеющего слушать и знавшего, пережившего то, что им, молодым, было неведомо. Много позже, когда вышла книга Виктора Астафьева «Прокляты и убиты», вызвавшая и похвалу, и ругань, этот давний вечер вновь вспомнился, сделав понятным непонятый тогда диалог Сергеева и Черникова. Черников настаивал, чтобы в новой повести Сергеев рассказал всю правду о войне: о подлецах ворах, казнокрадах, которых и на фронте было немало; о бессмысленных жертвах по вине бездарных командиров; о круговом жестокосердии... А Сергеев, кивая головой в знак согласия: «Да, это все правда, так и было, шли агнцами на заклание», не соглашался, объясняя это тем, что чем более страдало тело, тем сильнее был дух... Хотя, конечно, не все выдерживали, и от болезней, холода и голода в начале войны умирало людей не меньше, чем в бою. Но ведь оставались самые сильные духом, оттого и победили...

Юношеские впечатления от общения с писателями были эмоциональными – признанные мастера слова казались ему то интеллектуальными снобами, занятыми исключительно собой, то консервативными стариками (хотя из знакомых поэтов многие были ненамного старше него), что вполне объяснимо: он тогда был учеником низшей ступени в школе постижения силы Слова, а незнание способствует неадекватной оценке собственного «я»...

В Красноярске Жовнер ни с кем из тамошних именитых в крае писателей познакомиться не успел: его пребывание в этом крупном промышленном, рабочем городе было коротким. Что же касается зональной конференции молодых авторов, в которой довелось принять участие, то она его разочаровала. То, что писали другие ее участники, показалось ему скучным и уже читанным-перечитанным, а его рассказы (кроме одного, который он прочитал вслух) никто из руководителей семинаров не читал, хотя сборник ими и был рекомендован для издания. Дебаты же, последовавшие после прочтения им рассказа, разделили аудиторию и соответственно, мнения: от девичьего обожания и шептания на ушко о гениальной смелости до обвинений в непонимании, о чем следует писать, и советов оставить всякую надежду на признание...

Писатели Карачаево-Черкесской автономной области, входящие в один большой Союз писателей СССР, тем не менее делились на национальные секции и писали на родных языках. Русской секции не было.

Пишущие на русском языке формально относились к краевой организации писателей. В литобъединении при обкоме комсомола, руководителем которого какое-то время Жовнер числился, были и карачаевец Юсуф Созаруков, и черкес Хызыр Шемирзов, и еще несколько ребят из национальных меньшинств, которые писали на русском языке. Но им до вступления в профессиональный союз было далеко.

В восьмидесятые годы Ставропольскую краевую организацию возглавлял Иван Кашпуров, уроженец одной из степных станиц, соответствующий и характером, и поведением традициям здешних мест: не лез на рожон с инициативой, чутко улавливал политические веяния и использовал их для укрепления своего положения, а попутно и организации. Это был невысокий и внешне не очень заметный человек, более похожий на агронома или сельского учителя, чем на писателя. Во всяком случае, таким он показался Жовнеру со стороны, близко познакомиться не довелось. Но стихи он писал крепкие, не без пронзительных откровений, хотя не избегал идеологических тем, соответствующих партийным лозунгам. Поэтические сборники в столице и крае издавал регулярно, получая гонорары по высшей шкале, отчего имел немало недоброжелателей и даже врагов. Но был недосыгаем для них, являясь кандидатом в члены бюро крайкома партии и, по слухам, открывая дверь кабинета первого секретаря крайкома ногой (то есть был на равных).

Узурпация власти (именно так Жовнер понял сложившуюся в организации систему правления) привела к тому, что практически в первые дни перемен краевая писательская организация раскололась на приверженцев коммунистического режима и ее противников.

Приверженцев оказалось больше, и они вошли в организацию, которая стала называться Союзом писателей России. Правда, вместе с советской властью осталась в прошлом и власть певца степного края, да и не было теперь никакого интереса занимать практически ничего не значащее и не влияющее на ситуацию кресло.

Более оптимистично смотрели в будущее приверженцы демократических перемен во главе с Георгием Шумаровым, человеком уважаемым и в медицинском сообществе (он проработал всю жизнь детским хирургом), и в писательском, будучи автором удивительно образной и мудрой прозы (кстати, он был однокурсником Василия Аксенова). Они вошли в писательское объединение «Апрель», ставшее впоследствии Союзом российских писателей.

Апрелевцев было меньше, но это были авторитетные люди. В том числе и один из инициаторов разделения Вадим Чернов, поклонник Хемингуэя, похожий на знаменитого писателя бородой и прозрачным письмом, известность к которому пришла в тридцатилетнем возрасте после публикации повести о велогонщике. В советские времена он немало поездил по стране, добрался даже до Курил и написал несколько пронзительных повестей о современниках. Но и слыл неудобным для власти скандалистом, не стеснявшимся, невзирая на личности и ситуацию, рубить правду-матку...

В это время Жовнер числился в молодых и талантливых и членом писательского сообщества не являлся. Шумарова и Чернова он видел мельком и попал в поле их зрения только потому, что в начале восьмидесятых они руководили семинаром и рекомендовали тогда его повесть в краевой альманах. Но эта рекомендация силы не возымела, и повесть редактором альманаха была отвергнута...

Жовнер получил членский билет, когда последний советский руководитель писателей Ставрополя уже не производил впечатление сильного мира сего – он ушел со своего поста вместе с компартией. Как-то в кабинет, занятый к тому времени энергичным новым секретарем – казаком, краеведом, поэтом, депутатом городской думы, вошел шаркающей походкой согнутый, в темных очках, осторожно приглядывающийся и прислушивающийся к произошедшим переменам, явно не понимающий и не принимающий их, невзрачный, старенький, потерянный человек...

Спустя некоторое время он отошел в иной мир, забытый почти так же, как первый секретарь крайкома, в кабинет которого Кашпуров когда-то заходил без приглашения...

Но перед казаком Витиславом Ходаревым этот кабинет, правда недолго, занимал поэт Иван Белоусов, приехавший с Дальнего Востока. Был он поэтом настоящим и руководителем грамотным, но по причине своей чужеродности этой земле, отсутствия влиятельных родственников и связей, да и в силу изменившегося отношения к писателям, должного уважения к себе

так и не дождался, хотя за время пребывания председателем правления сделал для членов краевой организации Союза писателей России немало. При нем тогдашний губернатор отмечал юбилей организации за одним столом с писателями. Это был знак уважения (как оказалось, последний) со стороны власти тем, кто еще недавно помогал ей влиять на общество...

Ходарев занял кабинет, когда уже обруганный соцреализм, а вместе с ним и уважаемый прежде реализм в литературе были преданы забвению и книжные магазины заполонила массовая переводная литература и откровенные подделки под популярное чтиво. Классики русской литературы теперь изучались в сокращенном варианте, литература современников, написанная в традиционном ключе, издателей не интересовала: они были одержимы зарабатыванием денег и в угоду отчего-то стремительно поглупевшей читающей публике выдавали нагора чтиво все более и более низкого качества. Благодаря депутатскому мандату, статусу казака и связям Ходарев все же нашел деньги на издание для школьных библиотек края серии тоненьких книжечек ставропольских авторов, все так же продолжавших писать в реалистических жанрах. С деньгами помог мэр Ставрополя. Губернатор-коммунист, владелец немаленькой библиотеки, местных сочинителей не особо уважал: считал, что таланту помогать не обязательно, мол, если книга того заслуживает, издатель и сам найдется. Собственно, это отражало установку власти на то, что рынок все сам отрегулирует.

В это время Жовнер и стал членом Союза писателей России, не согласившись с доводами Баяра Согжитова (они продолжали поддерживать связь) вступить в альтернативный писательский профсоюз, объединивший приверженцев демократии – Союз российских писателей, в котором Баяр, как и Борис Иванович Черников, состояли с первых дней его создания. Жовнер в это время жил другими заботами и особо не вникал, какой из союзов праведнее, хотя наследником Союза писателей России (с его немаленьким имуществом), стал больший по численности Союз писателей России. Для себя Жовнер окрестил традиционно одних «западниками», а других «славянофилами», хотя это не соответствовало действительности: и в том, и в другом союзе были люди разных взглядов.

На вступление именно в «славянофильский» (при хоть и пошатнувшейся, но все еще не исчезнувшей симпатии Жовнера к западной цивилизации) его подбил Сергей Белоглазов. Правда, подал документы он уже после того, как Белоглазова похоронили.

...В тот день он заглянул на работу к Жовнеру ближе к вечеру: невысокий, нешумный, с неизменной улыбкой на губах и традиционным, произносимым не без иронии: «Процветаете, капиталисты...

Нет на вас коммунистической управы». Потом пристроился за журнальным столиком в углу кабинета, открыл «дипломат», извлек оттуда чекушку и, не особо настаивая, выпил, закусил пирожком и после паузы начал с прочтения только что написанного им рассказа (благо рабочий день уже закончился и их никто не отвлекал) о колхознике, который, прослышав, что французы едят лягушек, переловил всех обитателей деревенского пруда и принес мешок с добычей в магазин в полной уверенности, что сейчас за них выручит большие деньги...

Рассказ был недлинным, вызывал и смех, и слезы одновременно и точно отражал вдруг охватившее общество стремление разбогатеть любой ценой. Таких рассказов-былей у него было немало, но сам автор считал их мелочовкой, написанной для разминки. О главном своем произведении – исследовании жизни тех, кто сыграл роль в становлении здешних мест, в закреплении России на Северном Кавказе, – он упоминал редко, и если чем и делился, так это гипотезами, к которым приходил, изучая архивные документы.

Обсуждение литературных вопросов неизменно перетекало в разговор о положении писателей в новой России, России малиновых пиджаков и коробок из-под ксерокса, набитых долларами. В итоге, как правило, они приходили к единодушному мнению о том, что и красно-коричневый окрас тоже неприемлем. Иногда они касались темы, от которой лицо Сергея мрачнело, и под нее он допивал то, что еще оставалось. Провоцировал его на разговор о работе

Жовнер: было интересно не только услышать последние новости из Белого дома, но и понять, что происходит на политической кухне, куда, естественно, чужим вход был строго запрещен.

– Старичок, поверь мне, меньше будешь знать, совесть мучить не будет, – поморщился Белоглазов. – Нормальный человек там работать не может.

– Но ты же работаешь?

– Я?.. Мы с ним одной пуповиной повязаны, – обреченно произнес Сергей, имея в виду губернатора. – Это ты в партию зашел и вышел...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.